

Бертрис
СМОЛЛ

Сама
НЕВИННОСТЬ

Гарем Бертрис Смолл (АСТ)

Бертрис Смолл
Сама невинность

«АСТ»

2009

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Смолл Б.

Сама невинность / Б. Смолл — «АСТ», 2009 — (Гарем
Бертрис Смолл (АСТ))

ISBN 978-5-17-983349-9

Прелестная Элинора Эшлин готовилась стать монахиней, но по воле короля ей пришлось принести у алтаря не обет послушания, а клятву верности. Отныне благородному рыцарю Ранульф де Гланвилю, молодому супругу нежной Элинора, предстояло не только защитить ее от коварных врагов, но и открыть ей волшебный мир волнующей, страстной любви...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-983349-9

© Смолл Б., 2009
© АСТ, 2009

Содержание

Пролог. Дитя	6
Часть I. Послушница	10
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	40
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Бертрис Смолл Сама невинность

Bertrice Small
THE INNOCENT

© Bertrice Small, 2009

© Перевод. Т. А. Перцева, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

*Моим соседям, Эмили и Джиму Гандерсен, фанатам рок-н-ролла.
Это всерьез, приятели!*

Пролог. Дитя

Англия, 1143 год

– Хочу маму!

Рыдающая малышка билась и извивалась, стараясь вырваться из сильных рук молодой монахини.

– Мама! Где моя мама?

– Тише, Эльф! – нежно уговаривал старший брат. Он уже жалел о принятом решении, хотя в глубине души признавал правоту де Вареннов. Не мог же он растить в одиночку маленькую сестру, и, кроме того, нехорошо обременять Айлин дополнительными обязанностями, хотя, видит Бог, другие невесты охотно выполняют работу потяжелее.

– Дикон, – жалобно всхлипывала девочка, – я хочу домой, к маме и Айде!

На маленькое печальное личико невозможно было смотреть равнодушно. Из огромных серо-голубых глаз градом катились слезы.

Сердце Ричарда де Монфора снова сжалось от боли и тоски, но рыцарь, решительно подавив непрощенные эмоции, строго заметил:

– Ну же, Эльф, ты и сама знаешь, что мама умерла. Вокруг бушует война, и мне недосуг возиться с тобой.

Нужно идти сражаться за короля. Мы ведь все с тобой обговорили. Здесь, в монастыре Святого Фрайдсуайда, ты будешь в безопасности. Теперь это твой дом.

– Прощайся с братом, Элино́р, – велела настоятельница матушка Юнис, глядя ребенка по голове. – Отнесите ее к другим девочкам, сестра Катберт, да побыстрее. Чем больше вы медлите, тем тяжелее ей расстаться с братом.

– Прощай, сестричка, – выдохнул Ричард, целуя светлую, золотисто-рыжую макушку. Элино́р, не в силах вымолвить ни слова, растерянно взглянула на брата и тут же вновь разрыдалась рыданиями. Сестра Катберт поспешила выполнить приказание настоятельница и вбежала в ворота монастыря, унося кричащего ребенка.

– Дикон! – отчаянно вскрикнула Эльф в последний раз.

Ричард выглядел так, словно сам сейчас расплачется, и матушка Юнис успокаивающе похлопала его по руке.

– Маленьким детям всегда трудно расставаться с родными. Не волнуйтесь, милорд, мы позаботимся о мадемуазель Элино́р.

– Эльф, – поправил рыцарь. – Мы зовем ее Эльф. Возможно, если вы хоть ненадолго забудете ее настоящее имя, это поможет ей свыкнуться с новой жизнью. После смерти матери ее некому воспитывать. Я тут бессилен.

– Разумеется, милорд. Не расстраивайтесь. У нас, кроме нее, живут несколько маленьких девочек. Одна почти ровесница вашей сестры. Живет у нас с трех лет. Другая малышка на год старше Элино́р... Эльф. – Монахиня улыбнулась. – Как я слышала, милорд, вас следует поздравить. Говорят, вы женитесь.

Добрая женщина, очевидно, как могла старалась отвлечь Ричарда от неприятных мыслей.

– Мадемуазель Айлин еще не достигла брачного возраста, но ее мать заверяет, что ждать осталось недолго, – кивнул Ричард, искренне не понимавший, почему столь зрелой девице, как Айлин, рано идти к алтарю. Но он не в том положении, чтобы спорить с леди де Варенн.

Монахиня постаралась ничем не выказать удивления. Айлин де Варенн провела в монастыре год, и девчонки развратнее и похотливее матушка Юнис в жизни не встречала.

Все обительницы монастыря вздохнули с облегчением, когда Айлин их покинула, хотя ее пребывание у них имело и свои преимущества. Де Варенны отличались щедростью и великодушием. Именно по их рекомендации монастырь получил такую воспитанницу, как маленькая Элинор де Монфор, вместе с завидным приданым.

— Уверена, леди де Варенн желает своей дочери добра, милорд де Монфор. А теперь я должна с вами распрощаться. Думаю, вам следует подождать несколько месяцев, прежде чем навещать сестру. Дайте ей время привыкнуть к новой жизни. Приезжайте в День святого Мартина, будем рады вас видеть.

Матушка кивнула, повернулась и медленно направилась к воротам монастыря, которые с негромким стуком захлопнулись за ней. Послышался скрип задвигаемого засова.

Ричард де Монфор вскочил на серого в яблоках жеребца и медленно отправился назад, в свое поместье Эшлин, до которого было не более восьми миль. Он не взял с собой сопровождения — весьма рискованный для тех времен поступок, но последнее время в окрестностях Эшлина было довольно спокойно, а Ричард не хотел, чтобы при прощании с сестрой присутствовало слишком много народа. Как он любил малютку Эльф! Когда четыре года назад отец погиб в битве между войсками короля Стефана и армией дочери короля Генриха Матильды, Ричарду было всего одиннадцать. С помощью матери мальчик принял на себя управление отцовским наследством. Эльф, тогда еще совсем крошечную, только отняли от груди.

К счастью, поместье Эшлин было не слишком большим, и ни один из более могущественных баронов не польстился на него. Их основное богатство заключалось в овцах. Кроме того, у де Монфоров было достаточно крепостных, которые вместе с несколькими вольноотпущенниками и выполняли всю необходимую работу. Каменный дом, окруженный неглубоким рвом, стоял на холме. Вокруг теснились амбары, загоны, хозяйственные постройки и хижинки крепостных. Рядом протекала быстрая речка, на которой построили мельницу. Маленькая каменная церковь, однако, была полуразрушена. Поместье окружали высокие каменные стены, надежно защищавшие жителей от рыскавших в округе валлийских бандитов. На близлежащих холмах паслись овцы, у подножия лежали пашни, на которых поочередно выращивались трава, овес, ячмень и горох.

Но леди де Монфор так и не оправилась после гибели горячо любимого мужа — она не представляла себе жизни без него. Война опустошала Англию, и кроме того, Эшлин был достаточно уединенным местом, так что его обитатели месяцами не видели никого, кроме странствующих монахов, отважившихся забираться в самые отдаленные уголки страны в надежде, что сутана защитит их от разбойников.

Аделиза де Монфор как могла цеплялась за жизнь, спеша научить сына всему, что нужно было знать относительно управления поместьем. Старый вояка Фулк не уставал наставлять Ричарда в бранном искусстве. И Эльф. Малютка сестра была радостью и счастьем всей его жизни. Милая, добрая и удивительно проницательная. Часто вечерами, когда усталый Ричард садился в зале у огня, она карабкалась к нему на колени и гладила лицо крошечной ручонкой, что-то весело бормоча. Как он любил ее!

Но прошлой осенью матери стало хуже. К этому времени Ричард превратился в мужчину и взвалил на себя обязанности главы дома. Аделиза де Монфор полностью сознала это, и хотя волновалась о судьбе дочери, не имела ни сил, ни желания продолжать пустую, никчемную жизнь. Как-то утром ее нашли в постели бездыханной, с улыбкой на устах. Каким-то чудом оказалось, что в Эшлине заночевал странствующий монах. Он благословил душу Аделизы и помог похоронить несчастную, прежде чем отправиться своей дорогой. Следующий дом, куда он зашел, по странному совпадению принадлежал Хью де Варенну. Барон Хью с жадным интересом выслушал новости и отчего-то усмехнулся, узнав, что Ричард де Монфор и его сестра осиротели.

Два дня спустя он поспешил в дом де Монфоров и предложил заключить брачный союз между членами обеих семей. Молодой хозяин Эшлина согласился подумать над предложением барона. Тот пригласил его посетить дом де Вареннов. Ричард поехал, оставив Эльф на попечение старой нянюшки Айды. Один взгляд на Айлин де Варенн – и бедняга потерял голову. Создания прекраснее не было на земле: длинные шелковистые волосы цвета чистого золота и влажные синие глаза, словом, само совершенство. Но дело было не только в ее небесной красоте. Самый вид Айлин возбуждал в Ричарде безумную похоть. И хотя в манере девушки двигаться, говорить, улыбаться не было ничего особенно нескромного, каждый ее жест, каждое слово вызывали в нем такое неукротимое желание, что Ричард готов был ринуться хоть в ад, лишь бы завладеть ею.

Обе стороны договорились о браке. Ричард де Монфор женится на Айлин де Варенн, когда та войдет в подходящий возраст. Ну а тем временем следовало позаботиться о другом. Будущие родственники утверждали, что Айлин вряд ли подобает входить хозяйкой в дом, где живет другая высокородная особа женского пола. Кроме того, трудно ожидать, что молодая женщина согласится приглядывать за малюткой, и к тому же не своей, хотя подобное случалось. Ричард объяснял, что его сестра не будет обузой и к тому же за ней присмотрит старая няня, но де Варенны отказались уступить и продолжали настаивать, чтобы для Эльф нашли другой дом. Ричард предложил обручить девочку с одним из сыновей де Варенна, но барон Хью поклялся, что они, к сожалению, все уже сговорены.

Именно Мод де Варенн посоветовала поместить Эльф в монастырь Святого Фрайдсуайда.

– Не можешь же ты сам растить ее, – заявила она будущему зятю с улыбкой. – Девочке здесь не место, ведь ты женишься на Айлин, и у вас будут свои дети. В монастыре живут монахини ордена Святой Девы Марии. Они берут девочек на воспитание и таким образом получают средства к существованию. Некоторых обучают и готовят к супружеской жизни. Да и наша Айлин пробыла там год. Остальным предназначена участь невест Христовых. А ты не думаешь, что это самое подходящее место для твоей сестры, Ричард? Помести ее в монастырь Святого Фрайдсуайда, и ее будущее обеспечено. Там она будет в полной безопасности.

– И, – добавил барон Хью, – они возьмут всего половину приданого, которое тебе пришлось бы когда-нибудь выплатить мужу. Это умное решение. Ну, что скажешь?

– Я любила этот монастырь, – звонко засмеялась Айлин. – Мы там весело жили, а монахини такие добрые. – Положив на его рукав изящную ручку, девушка промурлыкала: – Твоя сестра будет там так же счастлива, как я с тобой, если, разумеется, ты выполнишь все условия папы.

И, блеснув жемчужными зубками, снова улыбнулась ему. Темные ресницы отбросили тень на бледные щеки, а пальцы на мгновение стиснули его запястье.

– Пожалуйста, Ричард, – шепнула она.

И он, конечно, согласился, потому что был готов любой ценой добиться ее. Ни с одной женщиной, кроме Айлин, он не будет счастлив!

Однако Ричард не стал делить приданое, как предлагал будущий тесть. Его отец отложил определенную сумму при рождении Эльф, и Ричард не позволит, чтобы родители на небесах мучились угрызениями совести за недостойного сына. И поскольку ни Айлин, ни ее семья не знали точной суммы, то и никаких ссор не возникло.

Первого мая Эльф исполнилось пять лет, и брат принял окончательное решение.

Теперь, возвращаясь домой, Ричард де Монфор предавался невеселым размышлениям. Старая Айда горько рыдала, когда он сказал ей, какую участь уготовил сестре, и на коленях молила не отсылать питомицу. Допытывалась, что за подлое создание должно стать женой

лорда, твердила, что только женщина с сердцем змеи захотела бы избавиться от невинной малютки.

Сначала Ричард утешал старушку, нянчившую еще его отца, но Айда продолжала бушевать, и он наконец в гневе напомнил, что она всего лишь крепостная. Няня молча поднялась, игнорируя протянутую руку, окинула господина свирепым взглядом и гордо удалилась. С этой минуты она словно не замечала Ричарда, и хотя тому было не по себе, он все же не мог позволить, чтобы кто-то оскорблял его Айлин. Когда жена подарит ему сына, старая Айда смягчится и станет заботиться о малыше. Да и без того она скоро забудет о своем гневе. Поймет, что иного выхода не было. Айлин будет счастлива в Эшлине, а Ричард де Монфор сделает все для ее спокойствия и безопасности.

Часть I. Послушница

Англия, 1152 год

Глава 1

Монастырь Святого Фрайдсуайда стоял на вершине холма, откуда открывался прекрасный вид на окружающую местность, называемую Херефорд. Отсюда было рукой подать до Уэльса.

Высокие каменные стены образовывали квадрат, на южной стороне которого была возведена церковь. От церкви начинались четыре тенистые аллеи, идущие по всему периметру к трапезной, где ели монахини и гости, зданию капитула, где они встречались с посетителями или выполняли различные работы по дому, и к кельям. Здесь были также специально отведенные помещения для учебы, кухня, пекарня, пивоварня, кладовая, стойла для животных, курятник и голубятня, не говоря уж о аптекарне, нескольких мастерских и садике, где выращивались целебные травы.

Каждый день был расписан едва ли не по минутам. В полночь начиналась всенощная, первая служба, за которой следовала еще одна. Потом монахини расходились по кельям. Заутреню служили в шесть утра летом и в семь – зимой. На этот раз к монахиням присоединялись воспитанницы. Потом все шли в трапезную, где подавался завтрак, состоявший из миски овсянки, кусочка хлеба с маслом и маленькой чашки сидра или эля для взрослых. После еды дети возвращались в спальни, застилали постели, подметали полы, выносили ночные горшки и открывали окна, чтобы проветрить помещение. А монахини тем временем собирались в здании капитула, обсуждали неотложные дела, читали письма, и настоятельница накладывала епитимью на согрешивших. В девять часов снова начиналась служба, на которой пели высокую мессу. Затем монахини принимались за повседневные работы: обучали детей, мыли, готовили, убирали, трудились в мастерских, где изготавливались простые металлические изделия и украшались изумительными цветными рисунками рукописи. Некоторые ухаживали за овцами и коровами, свиньями и птицей. В полдень служили очередную мессу, а в три и четыре часа – две вечерни, посещавшиеся только теми монахинями, у которых не было других дел.

Девочек наставляли с утра до пяти. Каждая умела читать, писать, знала сложение и вычитание, латинский, французский и английский, поскольку в Англии говорили именно на двух последних языках, но далеко не все воспитанницы знали оба, когда поступали в монастырь. Девушек, которым предстояло стать монахинями, учили шить и вышивать. Наиболее талантливым разрешалось рисовать картинки и переписывать священные книги. Некоторым, самым сметливым, предстояло входить в тонкости управления монастырским хозяйством, на случай болезни или отлучки матушки Юнис, аббатисы монастыря. Кроме того, им с детства было знакомо искусство целительства.

Девочки, которых родственники собирались выдать замуж, играли на каком-нибудь музыкальном инструменте, вышивали и учились присматривать за кухарками, то есть умели готовить, солить и коптить мясо и дичь, делать мыло для умывания и стирки, управлять помещением в отсутствие мужа, заботиться о больных и ухаживать за ранеными.

Испуганная и одинокая, Эльф тем не менее быстро привыкла к жизни в монастыре Святого Фрайдсуайда. Сестра Катберт, та монахиня, что унесла ее от брата, оказалась невероятно доброй. Именно на ее попечении были шесть малышей. Пухленькая, с круглым розовым личиком и искрящимися юмором карими глазами, она явно сочувствовала новой воспитаннице, но не собиралась позволять девочке предаваться горю. Ворвавшись в спальню, она поставила Эльф на ноги.

– Вот тут ты будешь жить с новыми подругами, – весело объявила монахиня. – Ну же, познакомьтесь с Элинор де Монфор, которую все зовут Эльф. Ей пять лет.

– Не похоже, – протянула старшая из девочек. – Уж очень мала. Матильде Фицуильямс пять, а она куда выше.

– Но я выше и Изабо Сен-Симон, а ей шесть, – возразила Матильда, злобно зыркнув на десятилетнюю противницу, бывшую к тому же дочерью графа. – Природа всех нас создала разными, и ничего тут такого нет. – И, протянув руку Эльф, добавила: – Можешь звать меня Матти, и уверена, мы с тобой подружимся.

У новой приятельницы были круглые голубые глаза и соломенные косички. Эльф робко выглянула из-за прикрытия – подола монашеского одеяния сестры Катберт.

– Мне исполнилось пять в майский праздник, – подтвердила она. – Это брат прозвал меня Эльфом, потому что я совсем не расту.

– У меня шесть братьев, – сообщила Матти, – поэтому меня и отослали сюда, в монахини. У семьи просто нет денег, чтобы выделить мне приданое. Мне тогда едва три исполнилось. А мать умерла, когда рожала последнего брата. Тебе здесь понравится. Ты тоже будешь монашкой?

– Не знаю, – вздохнула Эльф.

– Тоже, – кивнула сестра Катберт. – А теперь, Матти, пора заниматься.

– Новенькая отстанет от нас! – воскликнула дочь графа.

– Ничего страшного, – жизнерадостно улыбнулась сестра Катберт. – Она самая младшая из вас, но, думаю, быстро нагонит. Эльф наверняка понравится учеба. Не думаешь же ты, Ирмагард, что она должна знать столько, сколько ты? В конце концов, ты живешь с нами уже четыре года и поступила сюда в шесть, а Эльф всего пять.

Добрая сестра не высказала, что, по ее мнению, Эльф далеко превзойдет Ирмагард.

Ирмагард Бувье покинула монастырь три года спустя после прибытия Эльф, чтобы готовиться к свадьбе с неким немолодым рыцарем. Он уже успел жениться дважды, и дети его были старше будущей мачехи. К этому времени Эльф и в самом деле оставила дочь графа далеко позади.

– К сожалению, она отнюдь не самая способная из воспитанниц, – коротко заметила сестра Катберт после того, как торжествующая Ирмагард, вне себя от восторга, отправилась к жениху.

А за стенами монастыря война разгоралась с новой силой. В 1139 году Матильда высадилась на побережье Англии. Два года спустя король Стефан был захвачен в плен, и дочь Генриха I и внука Вильгельма Завоевателя с триумфом вошла в Лондон. Но претендентка на английский престол страдала излишней чванливостью и алчностью и немедленно возложила на народ ярмо непосильных податей. Ее тезка, жена Стефана, изгнала узурпаторшу из столицы, и в 1147 году та наконец навсегда покинула Англию. Ее преемником стал сын, Генрих Плантагенет, властитель Анжу и Пуату по рождению и повелитель Аквитании по праву брака с Алиенор Аквитанской, наследницей этого государства.

В 1152 году Эльф стала послушницей. Предполагалось, что она принесет монашеские обеты двадцать второго июня, в день празднования первого английского мученика, и Эльф решила, что возьмет его имя и отныне будет именоваться сестрой Олбен. Ее лучшая подруга Матти собиралась принять постриг в тот же день под именем сестры Колаамбы. Что же до третьей подруги, Изабо Сен-Симон, она намеревалась покинуть монастырь в конце лета и отправиться домой, в Ворчестер, где уже будет ждать жених.

Как-то поздней весной девушки сидели на склоне холма, присматривая за отарой овец. Две были одеты одинаково, в серые одеяния послушниц, третья нарядилась в ярко-красную тунику поверх синих юбок.

– Поверить не могу, – вздохнула Иза, – что тебе отрежут волосы, Эльф. Кровь Христова, я всегда им завидовала.

Просто грех!

Она осторожно погладила золотисто-красные волосы подружки.

– Тщеславие не пристало невестам Христовым, – тихо возразила Эльф.

– Но ты вовсе не тщеславна! – запротестовала Иза. – Какая жалость, что тебя не выдают замуж, Эльф! Могу поклясться, что немало знатных мужчин дрались бы за право получить твою руку и готовы взять тебя совсем без приданого! Ты куда красивее меня и Матти. Страшно подумать, что через несколько месяцев нас навсегда разлучат! Пусть я вечно жалуясь, но, по правде говоря, мы неплохо проводили здесь время, верно?

– Да уж, приключений было немало, – лукаво хихикнула Матти.

– Скорее злоключений, – усмехнулась Эльф. – Я, бедняжка, изо всех сил старалась уберечь вас от неприятностей. Тебе пора исправиться, Матти.

– Матушка настоятельница знает, что это невозможно, – пробормотала Матти. – Поэтому я вместе с сестрой Катберт буду заботиться о малышах. Настоятельница утверждает, будто к вечеру я буду так уставать, что не хватит времени на глупые проделки. Она говорит, что каждый по-разному служит Господу. А сестра Агнес сказала, что если мой голос будет еще улучшаться, когда-нибудь я стану главной певчей. Вы же знаете, как я обожаю музыку!

– Но едва Матильда Фицуильямс станет сестрой Коламбой, – ехидно заметила Иза, – больше ей не придется ходить к амбару и подсматривать, как отец Ансельм охаживает молочницу своим огромным жезлом.

– Жаль, что ты отказывалась пойти с нами, – хмыкнула Матти. – Даже не представляешь, какого зрелища лишилась! Кажется, я приношу Господу огромную жертву и поняла это после того, как узрела мужчину и женщину в порыве страсти! Как противно, что у моей семьи нет средств выдать меня замуж за здорового парня. Но я смирилась с судьбой, и на душе легче при мысли, что я приношу Богу свою девственность.

– Не могу дождаться, пока мы с сэром Мартином ляжем в брачную постель, – вмешалась Иза. – Говорят, в первый раз ужасно больно, но потом все проходит. Когда отец Ансельм втыкает свое толстое копьё в молочницу Хильду, она визжит от удовольствия.

– И дрыгает ногами, пока не сцепит их за спиной нашего доброго священника, – продолжала Матти. – Потом они качаются вверх-вниз, рычат, стонут и, наконец, успокаиваются. Мне так нравится, когда он кладет голову на ее пышные груди, а иногда, Эльф, не поверишь, даже сосет их, как грудной младенец. Ужасно интересно наблюдать за ними. Так возбуждает!

Эльф поспешно закрыла уши ладонями.

– Матти! Матти! Ты знаешь, что я не желаю слушать ничего подобного! Как тебе не стыдно сплетничать, да еще о нашем преподобном отце! Если не прекратишь, придется все рассказать матушке Юнис, а мне совсем этого не хочется! Как я боюсь за твою душу, Матти!

Матти подалась вперед и потрепала подругу по плечу пухлой ручкой.

– Не стоит расстраиваться из-за меня, Эльф. Как только я приму обеты, больше никаких визитов к амбару. Нельзя служить сразу двум господам, а мой хозяин – всемогущий Господь – не повелитель похоти и тьмы.

– Рада это слышать, Матти, – ответила Эльф, немного успокоившись.

Она искренне любила подруг, с которыми выросла. И не важно, что Изабо суетна, ведь ей скоро предстоит стать женой и матерью, но вот Матильда – дело иное. Мать настоятельница велела ей воспитывать малых детей. Эльф пришлось поговорить об этом с сестрой Катберт, но та, похоже, не приняла всерьез ее опасения.

– Некоторые девушки бегают к амбару, прячутся и подсматривают, как Хильда забавляется с любовником, – с тревогой сообщила Эльф и, понизив голос до шепота, неловко добавила: – Даже те, которые должны принять постриг.

Сестра Катберт ответила почти слово в слово то же, что и Матти:

– Но они пока не монахини, малышка Эльф, и сгорают от любопытства увидеть, чего лишатся навсегда. Узрев плотскую любовь, они либо посчитают ее неприятной и будут рады избавиться от подобной мерзости, либо поймут, чего лишатся, если станут верно служить Господу. В этом нет вреда, доколе сами они остаются целомудренными. Почти все девушки бегали в сыроварню. Даже я, когда была очень молода, – призналась она потрясенной Эльф. – Не волнуйся, дитя мое. Из Матильды выйдет прекрасная монахиня.

– Но я не сказала... – начала было Эльф.

– Не сказала, – с улыбкой согласилась сестра Катберт. – Может, тебе стоит тоже побывать у амбара, прежде чем принять постриг?

– Никогда! – яростно воспротивилась Эльф, ожесточенно трясая головой. – Я стараюсь сохранить свою чистоту в целостности и неприкосновенности и прийти к Христу невинной невестой. Другого пути для меня нет.

– Каждый из нас выбирает свою дорогу, – утешила сестра Катберт и сменила тему: – Сестра Уинифред твердит, что лучшей ученицы у нее еще не было. Даже попросила матушку сделать тебя ее помощницей в садике с лечебными травами. Она уже немолода, дитя мое, и в один прекрасный день ты можешь занять ее место. Только не говори, что я сказала тебе, пока сама настоятельница не объявит.

Несколько дней спустя Эльф услышала о своем предполагаемом назначении и очень обрадовалась. Она любила старую монахиню, которая научила ее лечить раны и болезни. А в садике так мирно и спокойно! Летом все цветет, и в воздухе разливается благоухание. Какое счастье – знать свое место в твердом распорядке монастыря!

– Смотрите! – воскликнула Иза, возвращая ее к действительности. – К монастырю приближается всадник! Интересно, что за новости он везет! Кровь Марии! Смотрите, как солнце блестит у него в волосах! Совсем как золото!

– Это у меня волосы золотые! – возразила Матти.

– Не золотые, а желтые, как солома, а когда их срежут, смотри как бы коровы их не съели! – хихикнула Иза. – Никто не станет жалеть о твоих волосах. А вот личико у тебя миленькое.

– Надеюсь, через несколько лет ты пришьешь сюда свою первую дочь, так что я смогу рассказать ей, какой назойливой, скандальной особой была ее мамаша, – усмехнулась Матти.

– Вы обе просто ужасны, – упрекнула Эльф, но тут же присоединилась к хохочущим подругам. – Ох, Иза! Мне будет так не хватать твоей откровенности и острого, как кинжал, язвительного язычка! Буду молить Бога, чтобы сэр Мартин понял, какая чудесная жена ему досталась, пусть и немного капризная.

– Мужчины любят капризных женщин, – возразила Иза.

– Но не жен, – мудро уточнила Матти. – Даже мне это известно. Когда отец искал невесту для моего старшего брата Симона, тот с ума сходил по дочери соседа, но мой батюшка услышал, что она довольно вздорная особа. Отец заявил, что нам нужна девушка поскромнее. Бедняжке соседской дочери исполнилось двадцать, прежде чем ей нашли подходящего жениха, и тот был немало удивлен, обнаружив на брачном ложе, что его жена вопреки всеобщему мнению девственна. Репутацию следует оберегать так же тщательно, как целомудрие, так по крайней мере твердит мой отец.

– Я была помолвлена с Мартином Ленгли с пяти лет. После обручения меня немедленно отослали в монастырь, – вставила Иза. – Уеду отсюда сразу после праздника урожая¹ и выйду замуж. Подумать только, у меня нет никакой репутации! – пожаловалась она.

– Какой он, сэр Мартин? – полюбопытствовала Матти.

¹ 1 августа. – Здесь и далее примеч. пер.

– Я не видела его со дня помолвки, но, насколько помню, у него каштановые волосы и карие глаза. Ему было пятнадцать. Только что был посвящен в рыцари; кажется, у него на лице нет следов оспы и внешность неплохая. Надеюсь, меня ждет приятный сюрприз и его тоже, потому что тогда он видел перед собой соплившую девчонку. Я простудилась, и все, чего мне тогда хотелось, – лежать в теплой постели, но меня вытащили на свет Божий, одели в лучшее платье и повели в церковь. Вряд ли он меня разглядывал, может, только разок посмотрел в мою сторону, желая убедиться, что невеста не косая.

Девушки снова захихикали, но тут же притихли, услышав чей-то голос. Это оказалась привратница, сестра Перпетуя. Добродушная монахиня махала рукой, подзывая подруг.

– Элино де Монфор, немедленно спускайся! – кричала она. – Мать настоятельница хочет тебя видеть.

Эльф поспешно поднялась.

– Иду, сестра, – откликнулась она и, надев апостольник, спрятала под него длинные косы, смахнула травинки с одеяния и опасно осведомилась: – Все в порядке?

Девушки дружно закивали, и Эльф поспешила к монастырю.

– Беги прямо в здание капитула, дитя мое, – велела сестра Перпетуя. – Найдешь матушку вместе с гостем в зале.

– Кто он? – поинтересовалась Эльф. – Тот всадник, который только сейчас приехал в монастырь?

– Да, но я не знаю, кто он. Поспеши, дитя мое. Не заставляй настоятельница ждать.

Эльф торопливо направилась к зданию капитула, большую часть которого занимал огромный зал. На одном конце стоял стул аббатисы, по обе стороны от которого тянулись скамьи, где каждое утро сидели монахини. Эльф приблизилась к стулу и низко поклонилась матери Юнис.

– Можешь встать, дочь моя, – разрешила та, и Эльф, почтительно склонив голову, поднялась.

– Это сэр Саэр де Бад, Элино де Монфор. Приехал, чтобы проводить тебя в Эшлин.

Эльф посмотрела на них с недоумением.

– Твой брат Ричард болен, дочь моя, и желает видеть тебя, – ответила настоятельница на невысказанный вопрос. – Сэр де Бад – кузен твоей невестки, леди Айлин. Путешествие не слишком длинное, и если уедешь через час, будешь дома еще до заката. Сестра Катберт поможет тебе собрать вещи.

Можешь оставаться дома сколько захочешь. Как только твой брат отпустит тебя, вернешься.

И видя, что Эльф умирает от желания заговорить, почтенная монахиня величаво кивнула:

– В чем дело, дочь моя?

– Мои обеты, матушка. Мы с Матильдой должны принять постриг двадцать второго июня, менее чем через три недели. Что, если я к тому времени не приеду? – со слезами спросила девушка.

– В таком случае, дитя мое, придется перенести обряд на более поздний срок. Помни, на все воля Божья, и ты должна послушно следовать по пути, предписанному Господом.

– Да, матушка, – ответила встревоженная Эльф. Если Ричард послал за ней, значит, случилась беда. За те девять лет, что она пробыла в монастыре, он приезжал лишь однажды, через полгода после того, как привез ее сюда. С ним была его невеста, Айлин, самое прекрасное создание на земле. Беда в том, что она не слишком обращала внимание на малышку, ставшую ее золовкой. И Дикон разительно изменился, стал рассеянным, раздражительным и непрестанно следил глазами за женой, словно никого, кроме нее, не замечал. Они пробыли

совсем недолго, и с тех пор о Ричарде напоминали только ежегодные письма ко дню рождения сестры. Однако в этом году не было даже письма.

В невеселые мысли Эльф ворвался голос аббатисы:

– Иди с миром, дочь моя, и готовься к поездке. Сэр де Бад подождет тебя за воротами монастыря. Когда соберешься, иди к сестре Джозефе, и та даст тебе крепкую лошадку. С Богом, дитя.

Эльф поклонилась настоятельнице, повернулась и поспешила выполнить приказ.

– Мадемуазель Элино́р – девушка из хорошего рода, милая и воспитанная, – пояснила настоятельница гостю. – Прибыла сюда в пять лет и с тех пор не выходила за ворота монастыря. Надеюсь, что вы будете обращаться с ней бережно и с надлежащим уважением. Прошу вас, никаких грубостей. Элино́р, как вы понимаете, не привыкла общаться с лицами противоположного пола. Отец Ансельм – единственный мужчина, кого она знает.

– Разумеется, матушка, – кивнул Саэр. – Моя кузина прогневается, если я расстрою мадемуазель. Что же, мне пора. Подожду мадемуазель у ворот.

Он направился было к выходу.

– Минуту, сэр, – резко бросила мать Юнис. – Каково истинное состояние Ричарда де Монфора? Не бойтесь, я ничего не скажу Элино́р.

– Он умирает, – жизнерадостно заверил Саэр де Бад.

Настоятельница безмолвно кивнула и после паузы проронила:

– Вы можете идти.

Она не сомневалась, что только близость неминуемой кончины могла заставить Ричарда послать гонца за сестрой. Слишком хорошо помнила мать Юнис Айлин де Варенн. Гордая, эгоистичная, надменная девчонка, которой ни до кого нет дела. Кроме того, после девяти лет брака Айлин оставалась бездетной! Даже до монастыря доходили слухи об этом. И если Ричард умрет, поместье Эшлин перейдет к Элино́р де Монфор. А это милое дитя вскоре должно принять обеты целомудрия и послушания. Поскольку монахиня не должна владеть никакими земными богатствами и даже ее бессмертная душа принадлежит Богу, Эшлин достанется монастырю Святого Фрайдсуайда.

Совсем неплохо. Мать Юнис давно заглядывалась на плодородные пахотные земли, примыкающие к владениям монастыря. Если продать Эшлин, на вырученные деньги можно купить вожеленные поля.

Настоятельница улыбнулась. Господь всегда отвечает на ее молитвы, пусть и не сразу. Иногда на это уходит больше времени, чем рассчитывает аббатиса.

Пока мать Юнис подсчитывала в уме будущие выгоды от наследства Элино́р, Эльф стояла в спальне, растерянно осматриваясь.

– Я не знаю, что взять с собой, – пожаловалась она сестре Катберт. – Что мне может понадобиться?

– Еще одна юбка, две туники, все три сорочки, чулки, гребень и пара перчаток для верховой езды. Дам тебе свои. Руки у нас почти одинаковые. Сверху накинешь плащ.

Продолжая говорить, сестра Катберт собрала вещи и аккуратно завернула в темную тряпку.

– Иди облегчись, дитя мое, – велела она. – Тебе придется проехать целых восемь миль. Потом умойся и надень чистый апостольник. Этот выглядит так, словно ты сидела на нем на траве, что, вероятнее всего, так и есть. Сейчас принесу тебе новый.

Эльф стянула измятый апостольник и отправилась выполнять приказания.

– Вы скажете Матти и Изабо, куда я уехала, сестра Катберт? И что вернусь, как только смогу?

Монахиня кивнула, поправила белоснежный головной убор воспитанницы и заметила:

– Эта поездка будет настоящим приключением, дитя мое, а ты заслуживаешь хотя бы малого развлечения, прежде чем посвятишь жизнь нашему милосердному Господу. Мы станем молиться за твоего брата, Эльф. Не страшись за него, ибо все мы в руках Божьих. Пойдем, я отведу тебя к сестре Джозефе, присмотрю, чтобы она дала тебе приличного коня. Она всегда норовит всучить того злосчастного мула, который идет только куда пожелает, а не куда стремится попасть бедный наездник. Ты слишком молода, чтобы самостоятельно справиться с сестрой Джозефой, а я многое повидала.

Обе женщины отправились в конюшню, маленькое строение на западной стороне монастыря. Как и предсказывала сестра Катберт, сестра Джозефа вознамерилась оседлать своего любимого мула, но на этот раз у нее ничего не вышло.

– Выведи белую кобылу, – потребовала сестра Катберт.

– Но она предназначена для матушки настоятельницы, – запротестовала старая монахиня.

– Мать настоятельница больше не выезжает. В отличие от Элино де Монфор. Этот мул никому не подчиняется, кроме тебя, и ты это знаешь.

– Но неизвестно, сколько она пробудет в отлучке, а если настоятельнице понадобится лошадь, что я скажу? – не уступала сестра Джозефа.

Сестра Катберт повернулась к Эльф:

– Ты можешь приказать крепостным брата вернуть кобылку через день-другой? Уверена, что, когда захочешь вернуться, он позаботится, чтобы сестра получила хорошую лошадь. Таким образом, и волки будут сыты, и овцы целы.

Эльф кивнула.

– Ну так и быть, – смягчилась сестра Джозефа. – Только смотри, Элино, чтобы через два дня кобыла была на месте.

– Обязательно, сестра, обещаю, – тихо вымолвила девушка. – И надеюсь, что сама приведу ее обратно.

Она погладила животное по бархатистому носу.

Кобылу оседлали, прикрепили к луке узелок с вещами Эльф и помогли девушке сесть в седло. Всех девушек в монастыре обучали ездить верхом на случай крайней необходимости. Эльф не думала, что когда-нибудь выедет за ворота, и, собирая поводья почувствовала странное волнение. Она возвращается в Эшлин! Увидит Дикона и, используя полученные от монахинь знания, сумеет исцелить брата, в этом можно не сомневаться! Встретится со старой Айдой, если она все еще жива, конечно. Ну а потом вернется в монастырь, примет монашество и проведет остаток дней своих, служа Создателю. Эльф жалела лишь о том, что не успела перед отъездом перемолвиться словечком с Изой и Матти.

Сестра Катберт вывела лошадь вместе с всадницей из стойла, сестра Перпетуя отворила ворота, и Эльф оказалась на дороге. Сестра Катберт вложила повод в протянутую руку Саэра де Бада.

– Не гоните коней, – строго наставляла она молодого человека. – Леди не привыкла ездить верхом. Ну, с Богом, дитя мое.

Они потрусили вперед. Эльф успела заметить Изу и Матти, сидевших на склоне холма. Она хотела помахать подругам рукой, но постеснялась: вдруг о ней подумают плохо.

Саэр не выпускал поводьев, держа кобылу справа от своего жеребца. Несколько минут прошло в молчании. Наконец рыцарь спросил:

– Вам позволено разговаривать со мной, леди?

– Да. Мы не давали обета молчания.

– Вы не бывали в Эшлине с тех пор, как попали в монастырь, – утвердительно констатировал он.

– Так и есть, – кивнула Эльф. – Расскажите мне о моем брате, сэр. Тяжело ли он болен, и кто его лечит?

– Ричард умирает, – без обиняков выпалил Бад.

– Господи милостивый! – воскликнула девушка и тут же густо покраснела, осознав, что употребила имя Господа всуе.

– Леди Айлин ухаживает за супругом с преданностью истинного ангела, – продолжал рыцарь. – Ваш брат – настоящий счастливчик.

– Но отчего он умирает? – допытывалась Эльф. – Что с ним, добрый мой господин? Надеюсь, за лекарем послали и он определил причину болезни?

– В Эшлине нет лекаря. Пришлось ехать в Вустер. Сначала болезнь вашего брата никому не показалась серьезной.

– В монастыре я помогала сестре-лекарке, – пояснила Эльф. – И намереваюсь осмотреть брата, хотя, конечно, не обладаю должным опытом. Но уверена, что смогу ему помочь.

– Леди Айлин будет вам крайне благодарна, – заверил рыцарь.

– Как вы попали в Эшлин? – полюбопытствовала девушка.

– Моя мать урожденная де Варенн. Я кузен леди Айлин. Ее семья посчитала, что я – самый подходящий для вашего брата союзник и сподвижник в ратных делах.

– Ричард наверняка согласился бы с вами, – вежливо ответствовала Эльф и надолго замолчала. Она видела невестку лишь раз. Айлин была той, что отняла у нее любимого Дикона. И даже ослепительная красота невестки не вызвала у девочки симпатий. А ведь Айлин была поистине прекрасна: волосы словно золотистый тростник в лунном свете, темно-синие глаза и кожа как сливки, а щеки лишь слегка тронуты нежным румянцем. И пахло от нее розами, восхитительное пьянящее благоухание, присущее истинно элегантным дамам. Согласитесь, пятилетней девочке в уныло-сером платье трудно полюбить такую женщину. Да и сама Айлин не сделала никаких усилий, чтобы согреть сердце покинутого ребенка. Визит был коротким и невеселым. Айлин все время простояла у окна, рассматривая двор, а Дикон что-то бормотал, почти не отрывая взгляда от невесты. Атмосфера в комнате для посетителей скоро стала невыносимой, и Ричард поспешил откланяться.

Но теперь бездетная чета решила послать за ней. Эльф про себя поклялась не судить строго Айлин, поскольку детские впечатления могли оказаться обманчивыми. Однако странно, почему столь зажиточные люди не могли позволить себе роскоши иметь лекаря в поместье!

Тем не менее она любит мужа и заботится о нем. Должно быть, сердце Айлин разывается при мысли о том, что Господь не дал ей сыновей и дочерей.

«Я должна приветствовать ее как свою родную сестру. И полюблю ее ради Дикона. Разве наш Господь не завещал нам любить ближнего, как самого себя?» – решила Эльф.

– Так вы еще не приняли обеты? – снова заговорил Саэр де Бад. – И действительно желаете стать монахиней? Неужели никогда не стремились познать радости супружеской жизни, леди?

– Никогда. Думаю, мое истинное призвание – стать монахиней, – искренне призналась Эльф. – Я благословляю день, когда брат привез меня в монастырь, хотя сначала там боялась всего и дичилась. Видите ли, я рано потеряла мать, а отца совсем не знала. Все, что меня оставалось, – Дикон и старая няня Айда. Добрые сестры ухаживали за мной, учили и заменили мне родных. В один прекрасный день я поняла, как счастлива быть среди них, и решила получить привилегию служить Господу до последнего вздоха.

– Как я вас понимаю! – воскликнул де Бад. – Сам я всегда мечтал быть рыцарем и бороться за короля. Создатель исполнил мои заветные желания.

Снова воцарилось молчание.

– Как по-вашему, мы можем ехать быстрее? – осведомился наконец де Бад.

– Вероятно, но если я испугаюсь, вы остановитесь, сэр?

– Да, – пробурчал он, посылая лошадь в галоп. Эльф поскакала следом, пригнувшись к шее кобылы. К своему удивлению, она неплохо держалась в седле. Оказалось, что это довольно легко. Легкий ветерок бил в лицо, а на душе росло ощущение полной свободы. Сестра Катберт всегда подшучивала над девушкой, утверждая, что и в стенах монастыря есть немало радостей и что Эльф слишком уж всерьез воспринимает жизнь.

Но уже через несколько миль девушка устала и попросила рыцаря остановиться.

– Простите, госпожа, вы такая тихая, совсем как мышка, и я почти забыл о вашем существовании. Вам, разумеется, не мешает отдохнуть. Эшлин уже недалеко. Позвольте помочь вам спешиться.

С этими словами де Бад приподнял Элинора с седла и опустил на землю.

– Вон под тем склоном течет ручей. Хотите напиться?

– Нет, спасибо, – отказалась Эльф. – Разомну немного ноги, прежде чем продолжать путь. – И, осмотревшись, добавила: – Мы уже на землях Эшлина? Слишком много лет прошло, но места кажутся знакомыми.

– О, леди, вижу, у вас прекрасная память. Мы действительно въехали во владения вашего брата. Еще две мили, и вы снова окажетесь дома, – широко улыбнулся де Бад.

Он добр и учтив, но почему в его присутствии ей не по себе? Может, она просто не привыкла к мужчинам? Или в нем действительно есть нечто неприятное?

Она искоса взглянула на рыцаря. Довольно привлекательная внешность. Коренастый, среднего роста, с золотистыми волосами и темноглазый. Лицо круглое и, правда, рябоватое, но это его не уродует. Короткая, тщательно подстриженная борода и висячие усы, обрамлявшие рот, придавали ему вид зрелого мужчины. Хорошо, но не слишком ярко одет, в коричнево-зеленые тона, и Эльф отметила, что сапоги хоть и поношенные, но сшиты из лучшей кожи.

Саэр де Бад сделал несколько глотков из фляжки, висевшей на поясе, вытер рот рукой и скрылся за кустами. Девушка покраснела, услышав предательское журчание. Вернувшись, рыцарь объявил:

– Так не желаете напиться? Тогда нам пора ехать.

Эльф покачала головой. Она умирала от жажды, но боялась пойти к ручью из страха, что потом захочет облегчиться. Разве она осмелится на такое в обществе мужчины?

– Едем, сэр, – попросила она. – Мне не терпится поскорее добраться до Эшлина.

Он снова посадил ее в седло и отступил.

– Благодарю вас, сэр. Теперь я не свалюсь.

Рыцарь коротко кивнул и, вскочив на жеребца, повел ее лошадь в поводу. Наконец густой лес расступился, и с вершины очередного холма Эльф увидела свой родной дом – небольшое каменное здание, освещенное заходящим солнцем. Сердце девушки сжалось, и, сама того не замечая, она пришпорила кобылку и помчалась по лугу, не обращая внимания на разбегавшихся овец. Спутник, вначале растерявшись, последовал за послушницей, несколько удивленный ее смелостью. Он не ожидал ничего подобного от столь милой, покорной девицы.

Рыцарь ухмыльнулся. Да, следующие несколько дней скучать не придется! А вдруг под мышино-серыми одеяниями и белоснежным апостольником скрывается живая и отнюдь не глупая особа? Айлин такого, разумеется, не ожидает! Вряд ли это ей понравится, но его кузина достаточно осторожна, чтобы не делать опрометчивых поступков. То, что началось как простое поручение привезти сестру Ричарда де Монфора, обернулось весьма интригующим, а может, и выгодным дельцем. Пожалуй...

Саэр де Бад снова усмехнулся.

Глава 2

Молодой слуга помог Эльф слезть с седла.

– Добро пожаловать домой, леди, – прошептал он. И хотя девушка не узнала его, все же вежливо поблагодарила.

– Пожалуйста, присмотри, чтобы за кобылой хорошо ухаживали, – попросила она паренька. – Это лошадь настоятельницы, и ее следует вернуть в монастырь через два дня.

Слуга кивнул.

– Я сам позабочусь о ней, госпожа, – пообещал он. – Я Артур, внук Айды. Не думаю, что вы меня помните.

– Ну конечно, помню! – воскликнула Эльф. – Мы играли вместе, и, когда мама умерла, ты принес мне маргаритки, которые сорвал на лугу. И плакал, когда я уезжала. Как сейчас вижу: стоишь рядом с бабушкой, шмыгаешь носом и вытираешь глаза рукавом. Да благословит тебя Бог, Артур, и убережет от беды!

Артур торжественно кивнул и, улыбаясь, повел кобылку к конюшне. Но тут ворвавшийся в ворота на полном скаку де Бад окликнул девушку:

– Подождите, госпожа, я провожу вас к брату. – Он соскользнул на землю и, схватив Артура за шиворот, приказал: – Эй, парень, возьми и моего коня!

– Вы очень добры, сэр, но я помню дорогу, – отмахнулась Эльф.

Де Бад шагнул вперед и стиснул ее руку.

– Леди, мне было велено привезти вас в Эшлин, и я не выполню поручения до конца, если не приведу вас к кухне и ее мужу, – процедил он и повел Эльф в главный зал. – Кузина, я вернулся!

Айлин де Монфор, растянув губы в улыбке, поспешила к вошедшим.

– Добро пожаловать в Эшлин, дорогая Элинор! – воскликнула она. – Жаль только, что повод для твоего визита столь печален.

Эльф внезапно сообразила, что невестка могла бы послать за ней раньше, в более спокойные и счастливые времена, но тут же постаралась выбросить из головы непрошеную мысль. Приветственно протягивая руки, она направилась к Айлин и расцеловала ее в обе щеки.

– Да благословит тебя Бог за то, что позвала меня, Айлин. Твой кузен рассказывал, как преданно ты заботаешься о Ричарде, а теперь я здесь и помогу тебе. Где мой брат?

– Вон там. – Айлин показала на стоявший у очага топчан. – Сейчас он спит, но проснется, если ты окликнешь его. Я оставлю вас одних, поговорите свободно, вспомните прошлое. Пойдем, кузен. Я хочу немного прогуляться по саду, подышать свежим воздухом.

Эльф даже не заметила ухода новоявленных родственников. Бедняжка в ужасе воззрилась на спящего брата. Настоящий скелет, обтянутый желтовато-серой кожей! Некогда красивый мужчина теперь стал почти уродом: впалые щеки, резко выдающиеся скулы, слишком большой для исхудавшего лица нос. Когда-то густые волосы поредели, и теперь он почти облысел.

Эльф встала на колени у ложа брата.

– Дикон, – позвала она со слезами на глазах, – наконец я дома и помогу тебе поправиться.

Глаза Ричарда медленно открылись. Костлявые пальцы сжали ее руку.

– Кто ты? – прохрипел он.

– Это я, Дикон, Эльф! Твоя сестра.

Распустив тонкие завязки апостольника, она тряхнула головой и храбро улыбнулась.

– Эльф, – прошептал он, – это в самом деле ты? Ты выросла.

– Надеюсь, что так, братец. Прошло девять лет с тех пор, как мы виделись. Я собираюсь принять постриг, но тут приехал сэр де Бад и сказал, что ты тяжело болен. Знаешь, я помогала монастырской лекарке и, наверное, сумею тебя вылечить.

– Я умираю, Эльф, – печально усмехнулся Ричард, – и мне уже никто не поможет. Когда я покину этот мир, сестра, Эшлин будет твоим.

– Но что станет с Айлин? – пробормотала пораженная Эльф. – Ведь она твоя жена, Дикон. И поместье должно перейти к ней.

– По закону ей причитается вдовья часть, и она возвратится к де Вареннам, – возразил Ричард. – Эшлин твой. Ты еще не постриглась и, если такова будет твоя воля, найдешь мужа. Эшлин невелик, но может стать неплохим приданым. Оставь в монастыре те деньги, что я внес. Так будет вполне справедливо. Что ни говори, а монахини заботились о тебе все это время.

– Но мне не нужен муж, – запротестовала Эльф. – Я готова служить Господу, Дикон, и, кроме того, не позволю тебе умереть. Я знаю все целебные травы. Расскажи, что тебя мучит. Когда ты заболел?

– Больше года назад. Сначала ныл живот, и я не мог есть жирное, но через день или два все проходило. Потом мне все чаще становилось плохо. Все внутренности горели огнем. Я ослабел так, что почти не мог ходить, ездить верхом и даже стоять. Потом хворь внезапно отпустила, и я вроде как немного приходил в себя, только чтобы снова свалиться. Теперь я ничего не могу удержать в животе и, как видишь, почти лишился зубов и волос. Я понимаю, конец недалек, Эльф, и не верю, что ты исцелишь меня, сестричка.

– Но я попытаюсь, – перебила она. – Обязательно попытаюсь, Дикон.

– Хуже, чем сейчас, мне уже не будет.

– Почему у тебя нет детей? – прямо спросила Эльф.

– Айлин бесплодна, хотя я не смею сказать ей правду, ибо это разобьет ей сердце. У меня два сына и дочь от крепостных женщин, только не говори ей ни слова. Она уверена, что во всем моя вина, хотя это не так. Ты сохранишь мой секрет, Эльф, правда? Я признался тебе в грехе, а разве ты не связана обетом хранить тайну исповеди?

Но ведь Ричард так любил жену! Почему же искал утешения в постелях других женщин?

Однако Эльф решила, что это ее не касается. Сейчас главное – здоровье брата!

– Можешь положиться на меня, Дикон, – успокоила она его. – А теперь усни. Я тем временем попрошу Айлин отвести место для моих трав. Нельзя терять ни минуты. А где старая Айда?

– Она не разговаривает со мной с того дня, как тебя отправили в монастырь. Ноги ее не было в этом доме.

– Я найду ее, и она поможет мне вылечить тебя, Дикон, – выдохнула Эльф и, поднявшись, окликнула служанку: – Где хозяйка дома?

– В саду, госпожа.

– Отведи меня к ней и отправляйся на поиски Айды. Передай, что я дома и нуждаюсь в ее помощи.

Девушка последовала за служанкой в сад, утопавший в цветущих розах. По дороге она отметила, что, пока мать была жива, за садом ухаживали куда заботливее.

Оглядевшись, она заметила невестку. Та сидела в самом дальнем конце сада рядом с кузеном. Они о чем-то шептались, склонив друг к другу головы. Служанка поспешила прочь, а Эльф громко окликнула Айлин. Та вскочила словно ужаленная и бросилась к Эльф.

– Господи, как ты меня напугала, Элинор!

Щеки женщины полыхали, и от этого она казалась еще красивее.

– Не хотела беспокоить тебя, сестрица, но мне нужно где-то развесить и разложить травы. Я видела Дикона, и боюсь, он действительно тяжело болен. Молю Бога о том, чтобы он сотворил чудо.

– Я тоже, дорогая сестра, – мило улыбнулась Айлин. – Вон там стоит небольшой амбар. Думаю, он тебе подойдет. Пойдем, посмотришь.

Теперь она намеренно игнорировала де Бада. Грациозно покачивая бедрами, обтянутыми голубой юбкой, она повела гостью по тропинке. От аромата роз кружилась голова. Важные шмели громко жужжали у белых, розовых и красных бутонов, собирая нектар. Эльф покорно пошла за невесткой в другой конец, где возвышалось убогое, скорее похожее на лачугу строение.

– Годится? – медоточиво осведомилась Айлин.

– Что ж, если нет ничего лучшего... сойдет и это. Ты позволишь мне взять несколько крепостных, чтобы кое-что тут переделать?

– Ну конечно! В конце концов, это и твой дом! – с едва уловимым ехидством заверила Айлин, но Эльф успела уловить неприязненные нотки в голосе невестки.

Айлин знает, что, если Дикон умрет, Эшлин достанется Эльф! Знает и злится.

– Спасибо, – поблагодарила она вслух.

Айлин пожала плечами.

– Теперь я тебя оставляю, Элинора, – обронила она и поспешила назад.

– Дитя мое! Это в самом деле ты? – По тропинке ковыляла согбенная старушка.

– Айда! – обрадовалась Эльф, обнимая няньку. – Дикон сказал, что ты вот уже девять лет как не разговариваешь с ним! Какая ты недобрая! Но теперь, боюсь, мой несчастный брат нуждается в нашей помощи.

– Ты здесь, детка, и я снова переступлю порог этого дома и помирюсь с лордом Ричардом. Я поклялась не делать этого до твоего возвращения и сдержала слово. – Старушка решительно выдвинула вперед сморщенный подбородок. Зеленоватые глаза жестко блеснули.

– А если бы я не вернулась, Айда? – мягко спросила девушка. – Неужели ты позволила бы Дикону сойти в могилу без твоего прощения?

– Как я могла простить его, когда он предпочел эту женщину своей родной сестре?! – свирепо выпалила Айда. – Святым долгом и обязанностью хозяйки Эшлина было вырастить младшую сестру мужа после смерти матери, да упокоит Господь чистую душеньку леди Аделизы! Куда более знатные и богатые невесты воспитывали маленьких братьев и сестер своих супругов, а то и их детей от предыдущих браков! Эта же не пожелала помочь мужу!

– Ты ее не любишь, – тихо заметила Эльф. – Но почему? Ведь не только из-за того, что Дикон отослал меня!

– Началось с этого, – призналась Айда бывшей воспитаннице. – Но все эти годы я наблюдала, как она обводит вокруг пальца твоего бедного ослепленного брата. Он воображает, что и солнце и луна светят именно для нее! Представь себе, она не привела с собой ни одного слуги, хотя родители вполне могли дать ей сколько угодно крепостных! И мы быстро поняли почему, дитя мое. Придирчивой, капризной, ей ничем не угодить, хотя перед твоим братом она строит из себя истинного ангела. А без него бьет слуг за малейший проступок или жалуется лорду Ричарду, а тот наказывает виновных. Она подлое создание, настоящая ведьма. Остерегайся ее!

– Но ее кузен утверждает, будто она преданно и нежно ухаживает за Диконом, – возразила Эльф.

– Ха! – фыркнула Айда. – Если он в самом деле ее кузен. Заявился в Эшлин год назад. А вскоре после этого твой брат впервые заболел. Ты же знаешь, прежде он был само здоровье и сила!

По спине девушки пробежал холодок страха. Не может быть!

Она упрямо покачала головой:

– Уверена, что это всего лишь совпадение, Айда. Не стоит плохо думать об Айлин только потому, что Дикону неможется. Я сужу о ней по нашим встречам, и до сих пор она не сделала мне ничего плохого. Приветливо встретила и отвела этот амбар, где я собираюсь хранить травы.

– Еще бы она не была с тобой приветлива, – прошипела Айда. – Ты единственная родственница ее мужа и его наследница!

– Мой брат не умрет. Я многому научилась от сестры Уинифред. Мать настоятельница пообещала, что, когда я приму обеты, стану помогать в лекарской. Больше я ничего не прошу у Господа нашего. Ну а теперь поищем метлы и как следует уберем амбар, чтобы я без опаски могла разместить там свои травы.

– Ты слишком невинна и добросердечна, – вздохнула Айда, спеша выполнить приказ юной хозяйки.

Из-за деревьев как по волшебству появились несколько крепостных и принялись расчищать годами копившиеся мусор и паутину. Рядом разложили костер и нагрели воду для мытья полов и стен. Двое мускулистых парней успели вырыть колодец и обложили его каменной оградой в половину человеческого роста. В землю вбили деревянный столб и подвесили журавль, чтобы легче было доставать ведра с водой. В амбаре сделали крепкую дверь, прорубили два окна и затянули их бычьим пузырем, пропускавшим свет и предохранявшим помещение от холода. Пол аккуратно вымели, а стены выбелили. Сколотили полки, на которых Эльф предполагала разместить травы и снадобья, поставили стол и стулья. Уже через неделю все было готово.

Все это время она как могла старалась облегчить страдания брата, поила его подслащенной ячменной водой в тщетной попытке очистить его внутренности от неведомой хвори. Эльф почти сразу же поняла, что невестка почти ничего не делает для мужа. Только благодаря Айде больному ежедневно меняли простыни, обтирали тело и давали лекарства. Именно старая нянька вылечила ужасные пролежни, смазывая их сначала яичными белками, чтобы облегчить боль, а потом накладывая мазь, приготовленную Эльф из бараньего жира и желудей. Однако Айлин была вежлива с сестрой мужа, в зале царил чистота, и еду подавали вовремя. По вечерам хозяйка сидела вместе с кузеном по другую сторону очага. Парочка тихо шепталась о чем-то, пока Ричард дремал. Эльф, устроившись у ложа брата, вышивала, чтобы скоротать время, и гадала, действительно ли намеки Айды имели под собой основание, или бедняжка Айлин попросту находит утешение в обществе родственника.

Нет, она не должна допускать столь злобные и несправедливые мысли, журила себя Эльф. Айлин и сэр де Бад не делали ничего дурного и постоянно находились на глазах.

– Боже, прости меня, – молилась девушка, – за несправедливые мысли о жене брата. Айда просто сварливая старуха. Ей не о ком заботиться, а ведь она всю жизнь посвятила детям, вот и злится теперь.

Эльф принялась бормотать молитву Деве Марии, вздыхая о мирной жизни в монастыре.

Сын Айды Джон и внук Артур сложили в лекарне небольшой, вделанный в стену полукруглый очаг из сланца и камня. Закончив работу, они просверлили дыры в боковой стенке и вделали железные стержни, на которых можно было развесить котелки. Они даже вывели на крышу дымоход, и амбар окончательно превратился в уютный домик. Мужчины по-детски обрадовались, когда Эльф горячо их поблагодарила.

– Ничего особенного мы не сделали, госпожа, – тихо вымолвил Джон. – Мне незнакомо искусство врачевания, но вряд ли вам стоит выходить из дома каждый раз, когда понадобится горячая вода. Особенно если погода испортится!

– Надеюсь, я не слишком отвлекла вас от основных обязанностей, – откликнулась Эльф. – Не хотелось бы, чтобы хозяйка дома рассердилась на вас.

– Все крепостные рады услужить вам, леди Элинор, и не нуждаются в указаниях людей вроде этого рыцаря. Он ничего не понимает в хозяйстве, хоть и кичится сверх меры. Простите мои откровенные слова, миледи, но матушка твердит, что вы слишком хороши для нашей грешной земли, и я не позволю, чтобы вам причинили зло, – объявил Джон и, поклонившись, добавил: – Мы принадлежим вам, госпожа, и станем защищать вас до последней капли крови.

С этими словами отец и сын удалились, оставив недоумевающую Эльф в новых владениях.

Всю последнюю неделю Эльф с молодыми девушками бродила по полям и лесам в поисках трав и ягод. Девушка с радостью обнаружила в кладовой запас желудей. Какое счастье, ведь до осени их не будет!

От прошлого урожая в житнице осталось немного пшеницы и ячменя. Эльф набрала две полные корзинки и, поджарив ячмень, смешала с сушеными винными ягодами. Хорошее средство от чирьев. Неподалеку от житницы росли кустики каперсов, поистине бесценного лекарства от множества хворей, включая зубную боль, прострел и колики. Мед Эльф отыскала в дупле полусгнившего дерева и собрала в огороде морковь, кабачки, огурцы, порей, лук-репку, чеснок, а также шпинат, салат, пастернак и свеклу. Кроме того, там же росли горчица, мята, шалфей, петрушка и укроп. На соседнем лугу Эльф обнаружила девясил.

Скоро на стенах и полках сушились пучки целебных трав. Глиняные горшки до краев наполнились фиалками, корнями одуванчика, луковицами крокуса, а также винными ягодами и финиками, которые Эльф взяла на кухню. Она очень удивилась, отыскав столь редкое лакомство, но кухарка объяснила, что леди Айлин обожает сладости.

Артур расчистил и вскопал небольшой участок земли, где Эльф посадила те травы, которых не смогла найти на огороде, включая мелкую ромашку.

Дикон, похоже, слабел с каждым днем, несмотря на все усилия сестры, но число ее пациентов из обитателей поместья все росло. Когда пораженная таким нашествием девушка стала расспрашивать Айду, та ответила, что леди Айлин не слишком искусна в целительстве и терпеть не может это занятие.

– Но разве не долг госпожи заботиться о своих людях? – пробормотала Эльф. – Хочешь сказать, что все эти годы она отказывалась лечить недужных?

– Вот именно. И кроме того, так и не дала твоему брату наследника, хотя у него есть дети от крепостных. Ни разу не перебинтовала рану, не сварила ни одного снадобья. Ничемная ведьма!

– Но Дикон любит ее, – тихо возразила Эльф.

Айда фыркнула:

– Много счастья это принесло ему, как же! Когда бедный лорд Ричард уйдет на небо, ты станешь куда лучшей хозяйкой!

Эльф промолчала. Спорить с Айдой не имело смысла. С той самой минуты, когда Айлин переступила порог нового дома, старуха возненавидела жену господина. Все же Эльф тревожила невестка. Не далее как вчера вечером она заметила, как Айлин кормит Дикона засахаренными фруктами, его любимым, но строго-настрого запрещенным сестрой лакомством. И это не впервые! Эльф так и подмывало как следует отчитать невестку, но она ограничилась лишь мягким упреком. Айлин сначала приняла покаянный вид, но потом презрительно скривила губы.

– Айлин, ты не должна давать Дикону ту еду, которая ему вредна, ибо мне нелегко справляться с его недугом. Сладости расстраивают его живот. Я знаю, что ты не желаешь ему зла, но не нужно баловать мужа только потому, что любишь его. Следует быть постороже.

– А если бы заболел я? Вы так же заботливо пеклись бы и обо мне? – вмешался Саэр. Эльф нашла его улыбку крайне неприятной.

– Облегчать страдания больных – мой долг как целительницы и служанки Господа нашего, – сухо обронила Эльф.

– Ухаживай за мной вы, и я мгновенно бы поправился, – вкрадчиво продолжал де Бад. – Из рук столь прелестной особы я готов принять самое горькое лекарство.

Эльф покраснела и отвернулась, прекрасно сознавая, как неприличны его комплименты. Да и он сам должен понимать, что истинный рыцарь не может говорить в подобной манере с невестой Христовой. Она низко склонилась над вышиванием, но не пропустила мимо ушей злобного шипения невестки, хотя слов не расслышала.

– Как смеешь ты флиртовать с этой благочестивой сучкой? – прошептала Айлин кузену. – Будь Ричард здоров, прикончил бы тебя за подобные речи! Ты спятил?

– Нет, но я думаю о нашем будущем в отличие от тебя, милая кузина. Разве не мы с тобой все это затеяли и не потому ли выманили малышку из монастыря? До сих пор ты все делала как нужно, Айлин. Не позволяй ревности и зависти все испортить. Помни, я люблю тебя, а не монашенку. Владей я поместьем или замком, мы могли бы убедить твоего отца отдать тебя мне, а не Ричарду.

– Но ты нищий, – уничтожающе бросила Айлин.

– Верно, зато, женившись на твоей золовке, получу все. И Эшлин станет моим. Ну а когда внезапно овдовею, ты снова станешь здесь хозяйкой. – Его глаза, темно-синие, почти черные, обожгли ее страстным взором. Локон золотистых волос свесился на лоб. Айлин хотелось отвести его, но она боялась, что кто-то заметит слишком интимный жест.

– Она не выйдет ни за тебя, ни за кого другого, – злобно процедила Айлин. – До этого я виделась с ней всего однажды, сразу после свадьбы. Он привез меня в монастырь познакомиться с сестрой. По-моему, надеялся, что я предложу забрать ее. Глупец! Тогда она была совсем ребенком и ничего не понимала, зато теперь достаточно взрослая, чтобы знать, чего хочет. Трудно представить, почему она так рвется в монахини! Она довольно хорошенькая и с таким приданым, как Эшлин, может легко поймать достойного мужа. Но ей никто не нужен, кроме Иисуса Христа. Не тебе тягаться с Господом нашим, кузен.

– Если мы не сможем ее уговорить, остается лишь один способ, Айлин. Я возьму ее силой. Ни один монастырь не примет испорченный товар. Поверь, я сумею лишить ее невинности и хорошенько попользоваться, прежде чем она изменит свое решение.

– Неплохо, – одобрила Айлин. – Надеешься, что она будет сопротивляться, когда ты захочешь его овладеть?

– Вероятно, – мрачно хмыкнул Саэр. – Хочешь помочь мне, Айлин? Или тоже изнасиловать девчонку?

Синие глаза Айлин широко раскрылись.

– Как?! – почти со страхом прошептала она, понимая, что вступает на опасную почву. Временами Саэр пугал даже ее, хотя, нужно признаться, сейчас заинтриговал.

– Среди моих вещей есть одна, называемая дилдо, которую я приобрел в мавританской лавке в Херефорде. Это штука запрещенная, достать ее нелегко, но мавр знает мои вкусы. Она вырезана в форме мужского достоинства из полированного ясеня. – Он коварно усмехнулся. – После того, как я ворвусь в храм Венеры маленькой монашки, ты, наверное, пожелаешь взять ее другую девственность через ворота Содомы? Дилдо можно держать в руке или прикрепить к поясу ремешками и изобразить мальчика, дорогая кузина. Как тебе это понравится?

Щеки Айлин покраснелись от сладострастных мыслей и образов. Непристойность и порочность предложения туманили голову.

– Да! – выдохнула она. – О да, Саэр!

– В таком случае не будь ревнивой дурой, – спокойно заметил он.

Айда, сидевшая на другом конце зала, с подозрением поглядывала на парочку.

– Видите, как она разругалась, миледи, – заметила она. – Интересно, что такого он ей сказал? Наверняка что-то, не предназначенное для ушей порядочной женщины. Уверена, именно они отравили лорда Ричарда.

– Как ты можешь говорить подобное? Это грех! И откуда ты такое взяла?

– Ты слишком долго вела уединенную жизнь, – возразила Айда. – Следует видеть вещи в истинном свете. Ваша невестка – женщина коварная. Может, она и заискивает перед тобой, но это ничего не меняет. Мы боимся за тебя. Когда умрет господин, ты останешься с этими людьми! Вполне возможно, они любовники, госпожа. Слуги видели, как он несколько раз выходил из ее опочивальни. Но не можем же мы жаловаться больному господину. А вот ты должна знать!

– Не понимаю, – охнула Эльф. – Разве она не любит Дикона, Айда? Как она может изменять мужу?!

Доброе морщинистое лицо Айды стало грустным.

– Не думаю, что жена господина любит кого-то, кроме себя, – вздохнула она, погладив руку девушки. – Она может только брать и понятия не имеет, как жертвовать собой. Ты, дитя мое, дело другое. С детства приучена служить нашему Господу. Леди Айлин не представляет, что это такое. Она хочет своего кузена и желает получить Эшлин.

Эльф, расстроенная словами Айды, беспомощно озиралась. Пусть она невинна и провела юность в монастыре, глупой ее не назовешь. Она давно подметила нежные отношения невестки и де Бада. Кроме того, ее тревожило, что Дикону становилось хуже каждый раз после того, как жена соблазняла его сладостями, засахаренными фруктами и миндалем. Неужели Айда права и Айлин дает мужу яд? Немыслимо! Но вполне вероятно.

Девушка вздохнула. Жаль, что рядом нет Изы и Матти или хотя бы сестры Катберт, истинного оплота здравого смысла. Она совсем одна и так же беспомощна, как крепостные брата, не в силах доказать свои подозрения, вынужденная молча наблюдать, как угасает брат.

Раздумья девушки были прерваны появлением рыцаря в сопровождении эконома Седрика. Незнакомец назвался сэром Ранульфом де Гланвилем и объяснил, что возвращается из Уэльса, куда ездил по поручению короля. Настоящий великан, и голос низкий, бархатистый.

– Надеюсь, вы дадите мне приют на ночь, господин? – спросил он Ричарда. Хозяин Эшли как раз проснулся и открыл глаза.

– Добро пожаловать, сэр рыцарь, – гостеприимно, хоть и едва слышно, объявил Ричард и посмотрел в сторону Айлин, которая приветливо улыбалась, но не сделала ни малейшей попытки позаботиться об удобствах гостя.

– Это моя жена, леди Айлин, – пояснил Ричард, очевидно, надеясь, что жена догадается исполнить долг хозяйки. Айлин снова улыбнулась, но не двинулась с места.

– И моя сестра, леди Элинон, к которой перейдет Эшлин после моей смерти, – добавил Ричард, разгневанный столь открытым пренебрежением к хорошим манерам.

Айда украдкой подтолкнула Эльф, и та поспешила подняться.

– Добро пожаловать в Эшлин, добрый сэр, – учтиво приветствовала она де Гланвиля. – Айда, пожалуйста, принеси гостю еды и вина. Садитесь у огня, сэр, погрейтесь, пока вернется Айда. День слишком ветреный и дождливый для июня. – И, забрав его плащ, пообещала: – Я прослежу за тем, чтобы его высушили к завтрашнему утру.

– Спасибо, госпожа, – поклонился Ранульф. – Вы так добры, и я благодарен за гостеприимство.

Он сел, осматривая собравшихся. Еще один мужчина, смутно знакомый. Вероятно, они встречались при дворе. Красавица жена хозяина и его столь же прекрасная сестра. Судя по серому одеянию, либо послушница, либо монахиня. Но нет, длинная золотисто-рыжая коса

не острижена, значит, девушка еще не дала обеты. Как жаль, что такое прелестное личико скоро скроет апостольник. Ей бы мужа хорошего и детей.

Его размышления были прерваны подошедшим мужчиной.

– Я Сазр де Бад. Мы вместе сражались за короля, – сообщил он. – Госпожа этого дома – моя кузина. Я живу здесь весь последний год, помогая в делах ее мужу, который, как видите, тяжело болен.

Ранульф де Гланвиль встал и протянул руку.

– Мне вы сразу показались знакомым, сэр де Бад.

Он подумал, что этот человек слишком напыщен и крайне бестактен. Ведет себя словно владелец поместья!

– Вина! – громко воскликнул де Бад. – Почему не несут вина? – Он с хозяйским видом шагнул к высокому столу. – Садитесь сюда, сэр. Слуги сейчас подадут ужин.

Не зная, что происходит в доме, и не желая показаться грубым, посланец короля подчинился. Прекрасная леди Элинор собственноручно поставила перед ним блюдо с едой и тарелку с ломтями хлеба. Ранульф с удовольствием узрел хорошо провяленную оленину, тушеного кролика, толстый ломоть окорока, горошек и кусок сыра. Слегка улыбнувшись, девушка вручила ему деревянную ложку. Поняв, каким голодным он, должно быть, выглядит, рыцарь покраснел так, что румянец пробился даже сквозь покрывавший щеки загар, склонил голову, перекрестился, произнес молитву и принялся есть. Наконец, подобрав остатки соуса хлебом и допив вино, Ранульф с удовлетворенным вздохом выпрямился.

– Леди, вы прекрасно ведете хозяйство, – одобрил он.

– Это дом моего брата, – скромно ответила Эльф.

– Насколько я понял, вы вернулись из монастыря, чтобы помочь невестке. Сумели ли вы вылечить брата, леди? И не могу ли я что-то сделать для вас?

– Дикон умрет, – выдохнула Эльф, впервые открыто признав то, что так долго таила в сердце. У этого рыцаря такие добрые глаза... на минуту она даже забыла об одиночестве. – Я многое узнала от нашей монастырской лекарки и травницы. Говорят, что я ее лучшая ученица, но едва мне кажется, что наступило улучшение, как на следующий день брату становится хуже. Это произошло уже трижды за то время, что я нахожусь здесь. Никак не могу разгадать причину недуга. Рано или поздно мне придется сдаться, – со слезами на глазах прошептала девушка.

– Говорите, так и не смогли определить, что мучит его? – тихо переспросил рыцарь.

– Что-то с животом. Иногда его терзают такие боли, что он кричит и бьется в судорогах. Его постоянно слабит. Он потерял почти все волосы и зубы. Кожа желтовато-серая. И хотя он всего на десять лет старше меня, кажется совсем дряхлым. Все, что я могу, – позаботиться о его удобствах. Но меня изводит сознание собственной беспомощности.

– У него всегда было слабое здоровье? – осведомился де Гланвиль.

– О нет! По словам нашей бывшей няни Айды, еще год назад он был крепок, как молодой дубок, – заверила Эльф, но, тут же вспыхнув, добавила: – Совсем забыла, что брат просил вас поговорить с ним, прежде чем отправиться на покой. Я уже велела постелить вам на скамье у очага, и вы прекрасно проведете ночь.

Рыцарь поднялся из-за стола и почтительно поклонился девушке:

– Я немедленно иду к вашему брату. Еще раз спасибо за гостеприимство, леди Элинор.

– Хорошего вам отдыха, сэр, – кивнула Эльф.

– Не знал, что вы так поднаторели в искусстве флирта, красавица, – многозначительно подмигнул де Бад, едва рыцарь отошел. – Это добрые монахини научили вас любовным играм? Жаль только, что меня вы не замечаете, а я сражен вашей прелестью.

Он потянулся к ее руке, но Эльф поспешно отдернула пальцы.

– Почему обычную вежливость вы толкуете столь странным образом? – резко бросила она и, не выдержав, выпалила: – И почему так долго живете здесь? Вряд ли в вас тут нуждаются, сэр. Дикон скоро умрет, и неприлично жить в одном доме с двумя женщинами в отсутствие старших родственников. Не хотите же вы очернить имя своей кузины?

Она не ожидала, что так обозлится.

– А за свою репутацию не боитесь? – с издевательской усмешкой поинтересовался он.

– Зачем? Все, кто знает меня, не сомневаются в моем целомудрии, поскольку я невеста Христова. Моя репутация незыблема, но как насчет Айлин, сэр? – возразила Эльф и сошла с возвышения в зал. Сегодня она уступила сэру де Гланвилю свою скамью, самую удобную в зале. Сама девушка вместе с Айдой предпочитала дежурить у постели больного. Айлин спала в маленькой комнате рядом с комнатой для рукоделия, а Саэр де Бад проводил ночи в каморке на чердаке.

Ричард де Монфор приветствовал королевского посланца и пригласил сесть рядом.

– У меня к вам поручение, сэр, если, конечно, согласитесь его выполнить, – начал он. – Мы с женой бездетны. По закону наследования Эшлин должен перейти к моей сестре Элинор. Приданое жены будет ей возвращено, и Айлин вернется к родным, де Вареннам. Она молода и красива, и ей без труда найдут нового мужа. Утром я попрошу сестру написать мне завещание, ибо в монастыре она получила прекрасное образование и умеет читать и писать. Она сделает три копии. Одна будет храниться у меня, вторую попрошу доставить к Вустерскому епископу, а третью – королю. Не хочу, чтобы у кого-то оставались сомнения относительно моей последней воли. Я уже приказал слуге после моей смерти немедленно отправляться к епископу и все сообщить. Епископ должен уведомить короля. Я вверяю безопасность и судьбу сестры его величеству королю Стефану. Вы сделаете это для меня сэр? – слабеющим голосом закончил хозяин Эшлина.

– С радостью, – пообещал Ранульф де Гланвиль.

Ричард облегченно кивнул:

– Благодарю вас, сэр. Не нравится мне кузен жены. Слишком много себе позволяет, но я терпел его ради Айлин, потому что она, похоже, его любит. Однако в последнее время я заметил, какие взгляды Саэр де Бад бросает на мою младшую сестру, когда думает, что этого никто не видит. Словно хищник, которому не терпится наброситься на жертву. Эльф так невинна! Она не сумеет защитить себя от такого человека.

Эльф. Какое очаровательное прозвище!

– Как долго пробыла ваша сестра в монастыре? Моя юная родственница Изабо Сен-Симон тоже там живет. Правда, этой осенью она должна выйти замуж.

– Иза – одна из двух лучших подруг Эльф, – отозвался Ричард. – Вы обязательно должны сказать сестре, что мадемуазель Изабо с вами в родстве. Я отвез Эльф в монастырь вскоре после того, как ей исполнилось пять. Сначала погиб наш отец, потом умерла мать. Я обручился с дочерью де Варенна, и он посчитал несправедливым, что Айлин должна заботиться о чужом ребенке. Это они посоветовали отослать Эльф в монастырь. Зная, что приданое сестры невелико, они предложили также, чтобы она дала монашеские обеты. Думаю, это было хорошим решением. Все эти тревожные годы Эльф находилась в безопасности. Она девушка мягкая и добрая и идеально подходит для выбранного ею пути, в противном случае я боялся бы, что после моей смерти ее ждут немалые беды.

Ричард побледнел сильнее обычного и закашлялся.

– Может, теперь, унаследовав поместье, она предпочтет выйти замуж? – заметил Ранульф.

Ричард покачал головой:

– Скорее передаст Эшлин монастырю. Пусть делают с ним все, что найдут нужным. Супружество не для Эльф. А теперь простите, мне нужно отдохнуть. Я очень слаб, несмотря на то что целыми днями лежу.

Ранульф кивнул молодому слуге, которому предстояло дежурить у постели хозяина, и направился к своей скамье. К его удивлению, оказалось, что рядом стоит миска с теплой водой. Он вымыл жирные после ужина руки, вытер куском полотна и вздохнул. Какая жалость, что молодая хозяйка выбрала путь отречения и покаяния. Она стала бы прекрасной женой даже для графа!

Рыцарь снял блио², аккуратно сложил, расшнуровал кожаный камзол и стянул сапоги. Пожалуй, раздеваться до камизы³ ни к чему.

Решив облегчиться, он вышел из дома, немного погодя вернулся и плотно прикрыл за собой дверь.

Слуга разбудил его на рассвете. Подали завтрак, состоявший из горячей овсяной каши, свежего хлеба, сыра, масла и темного эля. Поев, Ранульф подошел к постели Ричарда, где Эльф старательно переписывала вторую копию завещания. Лицо девушки было пасмурным. Ранульф молча устроился рядом с топчаном. Глаза больного были закрыты, воздух со свистом вырывался из пересохших губ. Ранульф де Гланвиль перекрестился и сложил руки в молитве, хотя его мозолистые руки были куда более привычны к мечу. Взор зеленовато-карих глаз то и дело обращался к склоненной головке девушки.

– Ну вот, осталась еще одна копия, – вымолвила она наконец. – Документ не слишком длинный, сэр. Постараюсь не задержать вас. Должно быть, вам не терпится отправиться в дорогу и доложить королю о выполненном поручении.

И она снова занялась делом.

Ранульф поднял пергамент. Завещание было коротким и предельно ясным. Ричард де Монфор, законный владелец Эшлина, будучи бездетным после девяти лет брака с Айлин де Варенн, оставляет дом, земли, крепостных, скот и все имущество единственной наследнице – своей сестре Элинор де Монфор, с тем чтобы Айлин было возвращено приданое.

Тут Ранульф удивленно поднял брови. Де Варенны были щедры, возможно, даже слишком. Очевидно, готовы были любой ценой сбыть с рук дочь. Интересно, почему? Леди очень красива и из хорошей семьи.

Завещание заканчивалось просьбой Ричарда известить о его желаниях его величество короля Стефана и его светлость епископа Вустера. Епископу за труды передавались шесть овец и молодой баран.

– Готово, сэр, – объявила Эльф.

Ричард подписал бумаги и скрепил печатью подпись и свернутый пергамент. Он был так слаб, что слуге пришлось придерживать его за плечи. Но сначала Ранульф де Гланвиль подписал каждую копию в качестве свидетеля.

– Что это вы делаете? – осведомилась Айлин, появляясь в зале рука об руку с Саэром. Восхищенный ее внешностью, Ранульф подумал, что они прекрасная пара.

– Диктовал Эльф завещание, – тихо пояснил Ричард. – Ранульф де Гланвиль его засвидетельствовал. Эльф сделала три копии, и наш добрый гость согласился отвезти одну епископу Вустерскому, а вторую – его величеству. Их я назначаю душеприказчиками. Эльф получает Эшлин.

– Еще бы! – выпалила Айлин. – Я знаю, только вот в толк не возьму, зачем монашке поместье. Что она будет с ним делать? Построит новый монастырь?

² Верхняя одежда XI–XIII вв.

³ Длинная рубаха из домотканой материи.

– Как только я приму постриг, мне не разрешат иметь собственные владения. Вернувшись в монастырь, я передам все права на Эшлин моему ордену. Поместье будет принадлежать сестрам Святой Девы Марии.

На какое-то кратчайшее мгновение лицо Айлин перекосила уродливая гримаса, исчезнувшая так же быстро, как появилась. Да ведь она ненавидит золовку! Что же, вполне понятно. Отсутствие детей лишит ее спокойной самостоятельной жизни и дома. Она, разумеется, это переживет, но кто может ее осудить за вполне человеческие эмоции?

Ранульф взял два свитка и поднялся.

– Обещаю все передать по назначению и стану молиться за вашу душу, господин мой, – с поклоном покаялся он.

– Спасибо, – обронил Ричард.

– Ваш плащ, господин, – напомнила Айда, подходя к нему.

– Да он совсем как новый! – изумился рыцарь.

– Просто хорошо вычищен, – резко бросила старуха. – Для этого Господь и создал женщин. О мужчинах следует заботиться, это очевидно. С Богом, господин!

Он накинул плащ на широченные плечи и попрощался со всеми. Эльф была последней, к кому он подошел.

– Ваша доброта сняла с моей спины тяжкий груз усталости, и я благодарен за это. Мне предстоит долгий путь. Спасибо вам.

– Да благословит вас Господь, сэр Ранульф. Я буду поминать вас в молитвах.

Рыцарь поклонился ей и оставил дом.

Глава 3

– А меня? Будете ли вы поминать и меня в молитвах, леди? – спросил сэр де Бад, едва посланец короля скрылся из виду.

– Как и всех остальных, – коротко бросила Эльф и, не сдержавшись, с ехидцей добавила: – Думаю, что вы нуждаетесь в молитвах куда больше, чем этот добрый рыцарь. Айда, нам понадобится чистое белье для Дикона. Я пойду принесу, пока вы с леди Айлин будете его мыть.

И девушка, не дожидаясь ответа, поспешила к бельевой. Там пахло лавандой и дамасскими розами. Услышав за спиной шаги, Эльф обернулась и оказалась лицом к лицу с де Бадом.

– Вы еще прекраснее, чем моя кузина, – начал он.

– Ваши слова и мысли крайне неприличны, сэр, – прошипела Эльф, раздраженная близостью этого человека. Но голос ее не дрожал, и она не отступила ни на шаг.

Взгляд темно-синих глаз пригвоздил ее к месту.

– Я нахожу тебя бесконечно желанной, Элинор де Монфор, и поскольку ты еще не приняла постриг, считаю, что могу тебе это сказать.

– Но в своем сердце я давно уже монахиня, сэр, и ваше излишнее внимание мне неприятно, мало того, оскорбительно. Пожалуйста, посторонитесь и дайте пройти! Мне нужно отнести белье.

Он засмеялся, и Эльф заметила слегка пожелтевшие зубы, портившие красивое лицо. Протянув руку, он поймал прядь тонких волос, потер и поднес к губам.

– Какие мягкие!

Эльф с отвращением поморщилась. Теперь она поняла, почему монахиням коротко стригли волосы. Женские волосы – поистине дьявольское искушение, и лучше лишиться их навсегда, чем терпеть подобные вещи!

– Немедленно отпустите!

Но вместо ответа Саэр обвел пальцем ее губы.

– Так и просят поцелуев, – вкрадчиво пробормотал он.

Эльф затошнило. Не в силах сдержаться, она извергла содержимое желудка прямо на рыцаря. Рвота забрызгала небесно-голубое сюрко. Де Бад в ужасе отступил, бормоча проклятия. Только тогда Эльф представила возможность протиснуться мимо. Оказалось, что она каким-то образом даже не выпустила из рук белье. Голова отчаянно кружилась, но она бежала, пока не встретила молодую служанку.

– Отнеси это в зал. Я должна выйти на воздух, – пробормотала девушка и, выскочив из дома, помчалась на луг, где паслись овцы с ягнятами. Наконец она уселась под толстым дубом, подтянув колени к груди. Дикон умирает, и она бессильна спасти его. Все ее искусство бесполезно, и, того хуже, она жалела, что брат за ней послал. Как было бы хорошо вновь очутиться в монастыре! Уже почти конец июня, близится Иванов день⁴. Матти скорее всего придется принимать постриг одной, пока подруга застряла здесь, в Эшлине. За все эти годы Дикон навел ее один раз. Почему вдруг он ощутил желание увидеться с сестрой? Он мог бы умереть, а она – унаследовать Эшлин без всех этих церемоний. Ее присутствие здесь совершенно ни к чему.

А если брат чувствовал себя виноватым за то, что отослал ее в угоду невесте? Зря он мучится. Она почти сразу привыкла к монастырю и была счастлива в обществе других девочек. Может, Дикон все понял перед смертью и пожалел, что обидел сестру? Похоже,

⁴ 24 июня.

между ним и Айлин нет особой любви. Наверное, в прошлом он уступал ее малейшему капризу, вымаливая хотя бы крупницу ее внимания? Если бы только Айлин родила Дикону детей. Но этого не случилось.

Эльф испуганно вздрогнула: кто-то бесцеремонно плюхнулся на траву рядом с ней. Поняв, что это Артур, девушка облегченно вздохнула.

– Слава богу, это ты, – сказала она, вытирая глаза рукавом.

– Я видел, как ты выбежала из дома, словно за тобой сам сатана гнался.

– Именно он, в образе Сэра де Бада. Имел наглость проследовать за мной в бельевую и попытался поцеловать. Он и раньше заговаривал со мной в совершенно неприличной манере. Вроде как пытался ухаживать, – призналась Эльф.

– Может, так оно и есть, Эльф. Он на все способен, – кивнул Артур, но тут же покраснел, сообразив, что с языка сорвалось прозвище госпожи. Совсем как в детстве!

Но Эльф положила руку ему на плечо.

– Для тебя я по-прежнему Эльф, – прошептала она. – Но что нужно от меня этому ужасному человеку? Я монахиня и ничем не давала ему понять, что изменила решение принять постриг. Наоборот, мне не терпится вернуться в монастырь.

– Но скоро ты станешь наследницей прекрасного поместья. Сэр де Бад – младший сын. У него ничего нет. Думаю, что если бы Эшлин унаследовала не ты, а леди Айлин, он бы женился на ней. Но увы, леди Айлин вернется к родителям. Что ты намереваешься сделать с Эшлином и с нами?

– Поместье отойдет к моему ордену, – сообщила Эльф. – Не знаю, что решит мать настоятельница. Может, сдаст в аренду рыцарю, которому нужен свой дом, а может, и продаст, но это не важно. Ты и остальные принадлежите Эшлину и тут останетесь.

– Но без вашей семьи. Де Монфоры всегда владели поместьем.

– Не совсем, – возразила Эльф. – Во времена Завоевателя Эшлин принадлежал саксонцам. Дочь хозяина вышла замуж за де Монфора, и Эшлин отдал ей в приданое. Моя прапрабабка Ровена делала все, чтобы сохранить владения. Летописи гласят, что ее братья погибли в битве при Гастингсе, а отца тяжело ранили, но его мужество заслужило благодарность короля Вильгельма. Он велел одному из рыцарей, первому Ричарду де Монфору, отвезти сэра Эдмунда домой, в Эшлин. Там Ричард и встретил леди Ровену и полюбил с первого взгляда. Я унаследовала от нее цвет волос. Говорят, что хотя бы один ребенок в каждом поколении рождается рыженьким, – заключила Эльф, но тут же рассмеялась: два любопытных ягненка, подобранных совсем близко, стали жевать ее мягкие туфли. – Какие миленькие! – воскликнула она, глядя животных, и со вздохом добавила: – Наверное, мне пора.

– А как же кузен госпожи? – встревожился Артур.

– Меня вывернуло прямо на него, когда он попытался меня поцеловать. Надеюсь, отныне он станет держаться как можно дальше из страха, что у него не останется чистой одежды.

Артур залился смехом.

– Уж я бы точно на три шага не подошел к такой дерзкой девчонке, – едва выговорил он и, протянув руку, помог ей подняться. – Эльф, я, конечно, всего-навсего слуга, – пробормотал он, внезапно став серьезным, – но если он снова станет тебе докучать, скажи мне.

– Артур, слуга, ударивший знатного человека, неминуемо будет приговорен к смерти. Не хотелось бы, чтобы твоя гибель была на моей совести. Не дай бог!

– Есть много способов проучить зарвавшегося негодяя, будь он крепостной или рыцарь. И совсем необязательно бить его или убивать, – подмигнув, сообщил Артур. – Но нельзя позволить, чтобы этот грубиян преследовал тебя в твоём же доме, Эльф. Не волнуйся. Мы что-нибудь придумаем.

– Спасибо, Артур, – кивнула девушка и зашагала к дому. На сердце стало немного легче.

– Где ты была?! – взвизгнула Айлин, когда Эльф вошла в зал. – Мне пришлось самой сменить белье Ричарду, а эта злосчастная старуха исчезла как раз тогда, когда понадобилась мне! Заявила, что принесет воды, чтобы вымыть моего супруга, и еще не возвращалась!

– Хочешь остаться со мной или поискать Айду? – перебила Эльф, откровенно возмущенная нытьем и жалобами. Айлин давно пора сделать хоть что-то для собственного мужа!

– О, поищи ее сама! Ричард опять заснул. Кстати, где мой кузен? Если мне приходится торчать тут часами, не мешало бы хоть немного побыть в его обществе.

– Я иду за Айдой, – коротко бросила Эльф.

– А я уже здесь! – объявила няня, появляясь в зале с большой миской. – Вам стоит помнить, леди, что я уже не так молода и дряхлые ноги не слушаются.

Айлин мгновенно подскочила.

– Не могу сидеть и смотреть, как умирает муж, – заявила она и поспешила прочь.

– Не так уж ты стара и, когда нужно, бегаешь не хуже молодой, – упрекнула Эльф. – Что тебя так задержало? Хотела, чтобы она немного побыла с Диконом?

– Наткнулась на ее кузена, заляпанного блевотиной, – буркнула Айда. – Он просто был от злости. Потребовал, чтобы я постирала его одежду, а потом вылил всю теплую воду на себя. Какой он мужчина, если не может удержать выпитый с утра эль? Ладно, пойдем, вымоем господина.

Эльф подошла к топчану и осторожно тронула брата за плечо.

– Дикон, дорогой, проснись. Мы с Айдой умоем тебя.

Веки Ричарда медленно поднялись.

– Эльф, – прошептал он, – прости, что отослал тебя. Я не должен был, не должен был так поступать.

По его телу прошла судорога. Голова бессильно свесилась набок.

– Господь и благословенная Дева Мария, упокойте его несчастную душеньку! – вскрикнула Айда и, перекрестившись, всхлипнула.

Потрясенная, Элинор недоуменно уставилась на безжизненное тело брата. Глаза Ричарда смотрели в никуда.

– Он мертв, – выдохнула она наконец и, тоже перекрестившись, упала на колени. – Иисусе милостивый, прости меня за то, что не смогла спасти его. Ты видишь, я пыталась, но не хватило ни сил, ни умения, – зарыдала Эльф.

– Она отравила его, – злобно прошипела Айда. – Убила мое дитя, и я проклинаю ее! Он просил привезти тебя с полгода назад, но она и не подумала подчиниться. Покарай ее Господь! Покарай ее Господь!

Услышав гневные речи старушки, Эльф на миг забыла о своей скорби и обняла Айду.

– Тише, милая, тише. У нас ведь нет доказательств. Признаюсь, у меня тоже были подозрения, но ни одной улики. Тебя могут казнить за то, что несправедливо очернила Айлин. Пойми же, Айда, нужно держать язык за зубами.

– И позволить ей избежать наказания за убийство господина, моя дорогая госпожа? – взорвалась Айда.

– А чем ты докажешь, что она преступница? Мы даже не можем открыто обвинить ее, – убеждала Эльф. – Но Господь все видит, и поверь, Айда, кара его неотвратима. Мы должны ввериться Богу.

– Ради тебя одной я промолчу, – пообещала Айда. – Теперь ты – хозяйка Эшлина, и мой долг – подчиняться. Отпусти меня, дитя мое. Мы должны обмыть тело господина и приготовить к погребению.

– Может, нужно позвать Айлин? – спросила Эльф.

– Не стоит, пока он не будет обряжен. Пойду за саваном, – вздохнула Айда.

Эльф присела рядом с топчаном и стала молиться. Всякий, кто войдет в зал, предположит, что Ричард де Монфор спит.

Когда старушка вернулась, они вместе раздели Ричарда и осторожно обмыли. Девушка старательно отводила глаза от его мужского достоинства и предоставила Айде обтереть низ живота покойника. Потом они завернули Ричарда в саван, оставив голову непокрытой, чтобы скорбящие могли посмотреть на него в последний раз. Перед положением в могилу лицо прикроют. Какое оно мирное и спокойное!

Эльф коснулась его холодной восковой щеки. Из ее глаз покатались слезы. Разве заслужил ее бедный брат такую участь? Неужели Айда права и его действительно отравили? Странно, что Дикон так внезапно заболел, ведь он всегда отличался крепким здоровьем.

Наклонившись, она поцеловала его в лоб и сказала Айде:

– Пошли Артура за священником. Дикону нужно отпустить грехи перед погребением. И вели плотнику сколотить крепкий гроб. Мой брат будет лежать в зале, чтобы все крепостные и слуги успели с ним попрощаться.

– Гроб уже сделан, госпожа, – сообщила Айда. – Я велю его принести и положить в него тело. Артур съездит за преподобным отцом. Боюсь, его придется привезти из монастыря. Здесь поблизости нет ни одного священника.

– Хорошо, – согласилась Эльф. – Схожу за Айлин.

Она направилась к хозяйским покоем, находившимся как раз возле зала. Приоткрыв дверь, девушка увидела у очага невестку и ее кузена, занятых оживленным спором. Айлин первая услышала скрип двери и обернулась.

– Что тебе надо? – рассерженно выпалила она, красная от гнева.

– Твой муж мертв.

– О Боже! – Она беспомощно взглянула на де Бада. – Слишком рано. Он не может умереть! Не может! Неужели ты так ничего и не сумела сделать, Элинор?!

– Я всего лишь человек, Айлин. Не мне становиться на пути смерти, – раздраженно ответила Эльф. – Ты знала, что конец недалек.

– Но именно сейчас! – проныла Айлин.

– Такова воля Божья.

– О, прекрати свои благочестивые бредни! – взвизгнула Айлин, топая ногой. – Ты же получила все, что хотела с самого начала! Эшлин теперь твой! Ненавижу! Ненавижу тебя!

Она разразилась слезами. Саэр де Бад поспешно обхватил лапищами кузину.

– Она не это хотела сказать, Элинор, я уверен! Просто расстроена кончиной мужа, – заверил он.

– Меня разлучили с Эшлином в пять лет, и притом по твоему требованию! – взорвалась Эльф, не в силах сдерживать давно копившуюся ярость. – Леди куда высокороднее и богаче воспитывают мужниных сестер, братьев, детей от предыдущих браков и даже бастардов! А ты лишила дома маленькую девочку! Счастье еще, что я нашла доброту и участие в монастыре! Я никогда не стремилась получить Эшлин! И если бы ты дала брату наследников, меня бы тут не было! Твои отпрыски унаследовали бы все. Но ты не выполнила своего долга перед Диконом, оставшись бездетной, так что по закону Эшлин теперь мой, хотя, повторяю, я никогда его не желала!

Айлин подняла голову с плеча Саэра.

– Я хотела детей, – всхлипнула она, – но твой брат оказался слишком слаб по мужской части, чтобы дать их мне.

– Нет, леди, это вы – бесплодная смоковница! У моего брата есть дети от крепостных девушек! – выпалила Эльф и тут же осеклась, но было уже поздно. Слезы Айлин мгновенно высохли.

– Что-о-о?! – протянула она.

– У брата трое детей от других женщин, – свирепо прошипела Эльф. Она не позволит этой негоднице чернить имя Дикона, а если это грех, покается отцу Ансельму, когда вернется в монастырь. Сейчас самое главное – защитить брата.

– Лгунья! Лгунья! – взывала Айлин. Ее обычно бледное лицо словно распухло и покрылось красными пятнами. – Мерзкая лгунья! Ненавижу!

– Я монахиня, Айлин, а монахини не лгут, – спокойно возразила Эльф. – Это ты повинна в том, что Ричард умер бездетным.

– Где эти ублюдки?! – завопила Айлин. – Я велю их прикончить вместе с потаскухами мамашами! Где они?!

– Ты пальцем никого не тронешь, Айлин, – твердо объявила Эльф. – Отныне ты здесь никто. Я госпожа Эшлина, в жилах этих детей течет моя кровь, и все они под моей защитой. Попробуй причинить им зло, и я напущу на тебя церковь. Посмотрим, как ты станешь держать ответ перед епископом.

Эльф спокойно повернулась и вышла из комнаты.

– О боже, – охнула Айлин, цепляясь за кузена.

– Ты и вправду дура. Еще глупее, чем я думал, – покачал головой Саэр. – Нажила врага в Элинора, а ведь мы нуждаемся в ее дружбе.

– Но ты слышал, что она сказала? Слышал? Я бесплодна! У Ричарда трое детей от каких-то потаскух, – твердила охваченная паникой Айлин. – Теперь ты не захочешь меня!

Она прильнула к нему, рыдая и что-то бормоча.

– Не мели чушь, Айлин. Конечно, я тебя хочу, всегда хотел, и никакие дети нам не нужны. Просто придется внести изменения в наш план. Я заставлю монашку выйти за меня. Если нужно, силой потащу к алтарю. После того как она родит мне сына, мы от нее избавимся, а ты вырастишь мальчишку как своего. Представь, она может даже умереть родами, а если не выйдет, подождем немного. Парень даже не узнает, что ты ему не родная мать. Какая разница, кто его родил? Он будет моим сыном, Айлин. И твоим.

– Мне противно, что тебе придется с ней спать, – шмыгнула носом Айлин.

– Знаю, знаю, – кивнул он, глядя ее по волосам, – но ничего не поделаешь. Это единственный выход, ведь ты не дашь мне дитя. Кроме того, меньше подозрений возникнет, если я сначала женюсь на другой и получу наследника. А когда монашенка вернется к своему Создателю, мы будем вместе.

– Но откуда мы знаем, что она не солгала? – тихо обронила Айлин. – Может, и я сумею подарить тебе младенца, Саэр. Уверена, что она нас обманывает.

– Нет, в ней нет ни капли притворства. Она поистине невинна. Думаю, Элинора не собиравшись говорить тебе об ублюдках Ричарда, но ты довела ее до этого своим дурацким поведением и отсутствием всяких чувств по поводу смерти мужа. Теперь она, должно быть, прочтет сотню молитв, чтобы искупить грех, – хмыкнул де Бад. – Иди в зал и отдай мужу последний долг. Мы так ждали этого дня, моя милая кузина!

– Не боишься, что они нас заподозрят?

– Эти простолюдины? Да и Элинора пробыла здесь всего несколько недель. Слишком недолго, чтобы предположить неладное. Нет, никто не знает, что мы убили твоего мужа, Айлин. – Он нежно улыбнулся вдове. – Когда твой отец отдал тебя де Монфору, разве не я обещал тебе, что мы обязательно будем вместе? Я сдержал слово, Айлин. Теперь тебе останется потерпеть еще немного. Доверься мне, и мы получим и Эшлина, и наследника. Поклянись, что будешь терпеливой. Если снова потеряешь выдержку, мы лишимся всего, а может, и жизни. Поняла, Айлин? Немедленно помирись с Элинорой, красавица моя.

– Но что, если я все же рожу тебе дитя? – настаивала она.

– Если бы могла, давно бы родила, Айлин. Я брал тебя едва ли не каждую ночь с тех пор, как приехал в Эшлин, даже когда ты бывала нечиста. Но ты ни разу не зачала, а я, подобно твоему мужу, наплодил немало бастардов, включая девчонку, родившуюся здесь всего пару месяцев назад.

– О негодай! – взвизгнула она, пытаясь наброситься на него с кулаками.

– Прекрати выть, сука! – оборвал он. – Мужчина имеет право забавляться с крепостными девками! А теперь пошла вон! И веди себя как подобает порядочной скорбящей вдове! Наше будущее обеспечено, если ты сумеешь держать голову низко, а вспыльчивость – в узде.

Он отпустил ее и подтолкнул к двери. Айлин обернулась и окинула его уничтожающим взглядом.

– Когда ты принудишь монашку? Чем скорее мы начнем, тем быстрее всего добьемся.

– погоди, сначала я попробую ее улестить.

– Как сегодня? У тебя не так много одежды, любовь моя, не стоит ее портить.

– Я сделал ошибку, слишком поторопившись. С юными девственницами нужно обращаться осторожно. Я хотел помочь ей донести белье, а она не так меня поняла.

Айлин презрительно фыркнула:

– Скажи лучше, позволил похоти взять над собой верх! Не лги мне, любовь моя, я слишком хорошо тебя знаю! Что же, придется унижаться перед новой госпожой Эшлина, притворяться убитой горем. Попрошу у нее прощения, и она смягчится, поскольку вообразить не способна, что я лгу.

– Элино́р отнюдь не дура, Айлин, – предупредил любовник. – Пусть она чиста и невинна, и далека от коварства брeнного мира, но глупой ее не назовешь. Постарайся изобразить истинное раскаяние. Помни, никто в этом доме тебя не любит. Ты прослыла недоброй и придиричливой госпожой. Они постараются на каждом шагу отыскать повод, чтобы пожаловаться на тебя новой хозяйке. Элино́р они знали с рождения и не одобрили, когда ты убедила Ричарда ее отослать. Взять хотя бы старую Айду. Она терпеть тебя не может!

– Но с чего это я была обязана растить чужое отродье? – огрызнулась Айлин. – Выйдешь после моего ухода, – добавила она и исчезла.

Тело усопшего уже лежало в гробу, на дубовых козлах. В каждом углу были поставлены подсвечники с восковыми свечами. В головах и изножье возвышались большие кувшины с живыми розами. Руки мертвеца сложили на груди, а поверх поместили распятие. Жалкие остатки волос были аккуратно причесаны. Челюсть туго подвязали, а веки придавили медными монетками. Ричард выглядел умиротворенным и словно спал.

Айлин взвизгнула и картинно упала на гроб умершего супруга.

– Ричард, любовь моя! О, почему ты меня оставил! – зывала она, принимаясь громко всхлипывать.

– Лицемерная шлюха, – пробормотала Айда себе под нос. – Сначала довела его до могилы, а теперь льет фальшивые слезы! Если на земле существует справедливость, Господь должен поразить ее громом, причем немедленно, и воскресить нашего доброго господина здоровым и сильным!

– Господь уже воскресил Дикона, – тихо возразила Эльф.

В этот момент в зале появился отец Ансельм.

– Леди Элино́р, рад видеть вас, – приветствовал он.

Эльф повернулась и выступила вперед, протягивая руку доброму святому отцу:

– Спасибо, что приехали, отец мой, и как быстро! Я благодарна вам. Прошу вас отпеть моего брата и прочитать поминальную молитву.

– Я был тут неподалеку, по другому делу, когда юный Артур отыскиал меня, – пояснил монастырский священник. – Разумеется, я останусь. Готов всеми силами служить вам и несчастной вдове.

Айлин, несмотря на громкий плач, прекрасно расслышала разговор и, отойдя от гроба, бросилась на колени перед Эльф:

– Сестрица, прости меня за резкие слова! Я знала, что мой бедный Ричард умирает, но, когда настал его час, просто не поверила, что несчастного больше нет! В своем потрясении, терзаясь болью утраты, я набросилась на единственного человека, который облегчил моему мужу последние минуты и так преданно ухаживал за ним! Прости меня, Элино, молю! Не могу вынести мысли о том, что мы поссорились!

Она с жалким видом протянула Элино руки. Та наклонилась и подняла невестку.

– Разумеется, Айлин, я тебя прощаю, но извини и ты меня за то, что я наговорила! Как и ты, я была вне себя от горя.

Она расцеловала Айлин в обе щеки.

Отец Ансельм улыбнулся, довольный мирным окончанием ссоры, и выразил свои утешения несчастной вдове.

– А это мой кузен, Саэр де Бад, – представила рыцаря Айлин. – Мой отец прислал его на помощь, когда заболел Ричард. Он проводит меня и мое приданое домой после похорон. Теперь Эшлин принадлежит Элино, и она может сделать с ним все, что пожелает.

– Я передам его ордену, – пояснила девушка.

Священник одобрительно кивнул:

– Мать настоятельница будет рада такому щедрому дару.

– Скажите, отец Ансельм, Матильда уже дала обеты Господу? – осведомилась Эльф. – Мы должны были вместе постричься в День святого Олбена.

– Сестра Коламба стала Христовой невестой именно в тот день, Элино. Она посылает свои молитвы и ждет вашего возвращения. Настоятельница сказала, что вы можете принять постриг в октябре, в День святого Фрайдсуайда, если ваши дела в Эшлине к тому времени будут завершены. Это великая честь, дочь моя.

Лицо девушки осветилось радостью.

Священник и молодая послушница всю ночь молились у гроба Ричарда де Монфора. Айлин пожаловалась на усталость и в полночь ушла к себе. До утра в дом приходили крепостные и челядь, чтобы попрощаться с господином и помолиться за его душу. Айлин появилась только через час после того, как рассвело, и выразила желание некоторое время побыть наедине с мужем. Айда принялась хлопотать над воспитанницей, твердя, что Эльф должна немного поесть, а после завтрака уложила в постель, наказав поспать перед похоронами.

Ричарда де Монфора похоронили в полдень. В воздухе пахло дождем, а небеса нависли над землей тяжелым серым покрывалом. Могилу засыпали землей, устроили скромные поминки, и Эльф разрешила остаток дня не работать. Гроза разразилась только к вечеру, налетев из-за холмов, отделявших Херефорд от Уэльса.

– Завтра утром отслужу мессу, – пообещал священник, – и отправлюсь домой. Что передать преподобной матушке? Когда ждать твоего приезда?

– Я поеду с вами, святой отец, – решила Эльф. – Больше я здесь не нужна. Пора возобновить прежнюю жизнь.

– О, прошу тебя, останься, пока я не покину Эшлин и не воссоединюсь с семьей, – вмешалась Айлин. – Вряд ли мы когда-нибудь увидимся снова. Какое значение имеют несколько дней, дорогая Элино?

– Думаю, преподобная матушка одобрила бы, – кивнул отец Ансельм. – Леди Айлин рассказывала о твоей верности брату, дитя мое. Вам просто необходимо отдохнуть несколько дней, прежде чем вновь приступить к трудам на благо Господне. Я сам поговорю с матушкой Юнис. Вернешься, когда сможешь.

– Что же, – согласилась Эльф, – мне действительно следует назначить управителя, пока матушка не решит, что делать с Эшлином. Кроме того, нужно выделить Айлин ее приданое. После того как ты снимешь траур, Айлин, твой отец, вне всякого сомнения, найдет тебе другого мужа.

– Так ты остаешься?! – Айлин по-детски захлопала в ладоши. – О, как я рада!

Взгляды ее и де Бада на какое-то неуловимое мгновение встретились, но Айда все заметила. Интересно, что задумала эта парочка?! Придется быть начеку и не спускать с них глаз, иначе они вполне способны устроить какую-то пакость ее девочке. Такие, как они, на все пойдут.

Вскоре после отъезда отца Ансельма Айлин отвела золовку в сторону.

– Теперь ты тут госпожа. Я вынесу свои вещи из хозяйской спальни, чтобы ты заняла свое законное место.

– Ни за что, – отказалась Эльф. – Мы пробудем здесь не больше недели, сестрица. Не стоит обременять себя. Я не привыкла иметь отдельную комнату. Всегда спала вместе с другими девушками. Правда, после пострига мне дадут крошечную келью, а пока мне будет неудобно в спальне. Я не жила там с самого детства.

– Но хотя бы раздели ее со мной, – уговаривала Айлин. – Неприлично хозяйке поместья ночевать в зале на скамье. Прежде чем расстаться навсегда, мы утешимся воспоминаниями о Ричарде. – Она победоносно улыбнулась золовке.

«Эта ведьма что-то затевает», – решила Айда.

– Так и быть, – согласилась Эльф. – Надеюсь, я не стесню тебя. Ведь это ненадолго.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Айлин. – Давай перенесем твои вещи.

– Я сама позабочусь об этом, – поспешно вмешалась Айда. Ей не терпелось проверить, нет ли чего подозрительного в спальне. Она не переступала порога комнаты с тех пор, как отослали из дома Эльф.

– Только не касайся моих вещей, – резко предупредила Айлин. – Смотри берегись, я все узнаю!

Айда уничтожающе глянула на нее, но ничего не ответила, хотя мысли ее лихорадочно метались.

«Нет, я не трону ничего твоего, но постараюсь, чтобы и ты не захватила ни лоскутка из того, что по праву принадлежит Эшлину».

Старушка собрала одежду Эльф и направилась к спальне. Там было грязно и царил ужасающий беспорядок. Нянька вернулась в зал.

– Госпожа, да там жить невозможно. Комната так захламлена, что вам там места нет. Пока ее не уберут, вам лучше оставаться здесь.

– Почему спальня в таком беспорядке? – удивилась Эльф. Монахини превыше всего ставили чистоту и аккуратность.

– С того дня, как умер Ричард, челядь отказывается выполнять мои приказания, – жалобно проныла Айлин. – Даже девушка, которая мне прислуживала, исчезла куда-то.

– И неудивительно. Правда, похоже, что там месяцами ни к чему не притрагивались, – ехидно пробормотала Айда.

Если Эльф и услышала ее, то не подала виду, спросив:

– Кто служил госпоже Айлин? Пусть немедленно возвращается к своим обязанностям, пока вдова моего брата не вернется в родной дом. Приказываю разложить вещи вдовы моего брата и тщательно вычистить комнату. Только потом я войду в спальню и отныне намереваюсь проводить там каждую ночь. Я достаточно ясно выразилась?

Эконом Седрик выступил вперед:

– Немедленно все сделаем, госпожа, как приказано.

– Надеюсь, Седрик. Мы во всем полагаемся на тебя, – улыбнулась Эльф.

Айлин с досадой наблюдала, как спешат слуги выполнить повеления девушки. Ей они так низко не кланялись! Ничего, должно быть, просто пытаются подластиться к наивной девчонке. Ничего, когда Саэр станет здесь хозяином, они еще попляшут. Ленивые, тупые скоты!

Но ее ждал сюрприз. Войдя в спальню, Айлин была потрясена царившей там идеальной чистотой. Такого она в жизни не видела!

Каменные полы и стены выскребли, из очага выгребли золу, окна протерли, и сквозь бычьи пузыри лилось солнечное сияние. Два гобелена, висевшие на стенах, выбили, так что не осталось ни следа пыли и паутины. Над кроватью, где она спала с Ричардом, повесили чистый полог, постелили пахнущее лавандой белье, положили новые пухлые подушки и перину. Деревянные сундуки Айлин переставили и откинули крышки, чтобы показать аккуратно сложенные вещи. Еще один небольшой раскрашенный сундучок, которого Айлин раньше не видела, стоял в изножье кровати. Там лежала скромная одежда Эльф.

Девушка захлопала в ладоши и засмеялась.

– Это сундук моей матушки! – восторженно воскликнула она. – Я совсем забыла! Он всегда нравился мне, потому что на нем нарисованы животные и птицы! Когда-то он принадлежал моей прапрабабке. – И, осмотрев комнату, добавила: – Они хорошо потрудились, не так ли, Айлин? Комната в полном порядке. Пойдем скажем Седрику, что мы довольны.

Она сжала мягкую ладошку невестки. Но та вырвала руку.

– Сказать Седрику, что мы довольны? Да ведь слуги просто выполнили свой долг! Да это давно следовало сделать! Не собираюсь никого благодарить!

– А я собираюсь, – возразила Эльф. – Думаешь, слуг не опечалила смерть Дикона? Он последний де Монфор, который правил здесь, потомок старого саксонского рода. Крепостные и их семьи жили тут сотни лет, Айлин. Они страшатся будущего.

– Но этот древний род, о котором ты говоришь, не прервался бы, если бы ты вышла замуж, вместо того чтобы остаток дней гнить в монастыре. Теперь, когда Ричард умер бездетным, твой долг оставить мысли о монашестве и принять на себя ответственность за управление поместьем. А ты эгоистично приносишь интересы семьи в жертву своим желанием.

Эльф потрясенно уставилась на невестку. Ей такое в голову не приходило.

– Но я уже монахиня, Айлин.

– Ты еще не приняла постриг, Элинора. Ричард отдал тебя в монастырь, опасаясь, что с таким маленьким приданым ты не найдешь достойного мужа, который владел бы собственным поместьем. Ричард долго обсуждал это с моими родителями, и тогда было решено отвезти тебя в монастырь. Монахини рады любому приношению, а тебя ожидала бы спокойная жизнь в полной безопасности, посвященная служению Господу нашему. Теперь, однако, ты стала наследницей землевладения, имеешь дом, скот и собственных крепостных. Любой рыцарь из хорошей семьи будет счастлив получить такую жену.

– Мой путь определен, – твердо ответила Эльф. – Я посвятила себя Богу в тот день, когда мне исполнилось десять. Начала готовиться к вступлению в орден. А в двенадцать лет стала послушницей. В октябре, в День святого Фрайдсуайда, я приму постриг под именем сестры Олбен. Именно этого я хочу. Именно этого желает Господь. Ты не права, Айлин, когда пытаешься сбить меня с избранной дороги. Что бы ты ни говорила, тебе меня не соблазнить.

– А я думаю, это ты не права, – отозвалась Айлин.

«Но твое упрямство еще сослужит мне хорошую службу. Я буду наслаждаться, наблюдая, как Саэр лишает тебя девственности и покоряет своей воле. Он покажет тебе, как целовать его, облизывать и сосать. Узнаешь, что губы годятся не только для молитв. Поймешь, как доставить мужу удовольствие способами, о которых раньше понятия не имела, маленькая монашка! Даже в монастыре тебя не приучат к такому повиновению! А когда дашь Саэру сильного сына и наследника, я собственноручно прикончу тебя!» – размышляла она.

Глава 4

– Я буду спать на кровати для служанки, – решила Эльф, когда они готовились ко сну.
– Сначала искупаемся, – предложила Айлин. – У огня уже стоит лохань с горячей водой. Иди первой, дорогая сестрица.

Эльф неловко поежилась. Лохань так велика, что может вместить двоих! Не то что маленькая и неудобная монастырская!

Нагнувшись, она распутала ленты подвязок, скатала чулки, сбросила туфли, стянула и сложила серую тунику и юбку. Потом заколола на макушке косу и взошла по ступенькам к лохани.

– Ты хочешь мыться одетой? – взвизгнула Айлин. – Да ведь ты еще в камизе, Элинор!

– Так принято в монастыре. Это куда скромнее. Неприлично выставлять напоказ свое тело.

– Но ты не в монастыре, – запротестовала Айлин. – Сними и искупайся как следует. Обещаю, что не стану смотреть, если ты так невинна, что боишься моего взгляда!

– Тогда отвернись, – велела Эльф, не желая спорить и откровенно любопытствуя узнать, каково это – сидеть в воде голой. Айлин послушно отошла. Девушка сняла длинную камизу, бросила на пол и ступила в лохань. Вода оказалась душистой и горячей. Какие чудесные ощущения!

Эльф вздохнула от сознания собственной греховности. Она и не ведала, что на свете существует подобная роскошь!

Но девушка тут же пожурела себя. Всю свою жизнь она обходилась без подобных излишеств, так что нечего и начинать!

Саэр де Бад из своего укрытия за гобеленами пожирал жадным взглядом стройное юное тело. Пусть формы не такие пышные, как у кузины, но для своего роста она идеально сложена. Ему смертельно хотелось броситься на нее и изнасиловать прямо сейчас, но рыцарь сдержался, вспомнив, как ее рвало при одном его приближении. Нет, он снова попытается соблазнить ее, завоевать.

Айлин подошла к тому месту, где он стоял.

– Ну, – прошептала она, – и что ты думаешь, кузен?

– С ней неплохо будет позабавиться на мягкой перине, – едва слышно ответил он.

– Уходи, – тихо велела она и с облегчением вздохнула, когда раздался негромкий щелчок. Потайная дверь за гобеленом закрылась, и Айлин повернулась к золовке: – Ну как, Элинор? Понравилось?

– О да! – воскликнула девушка. – Так куда лучше, чем в моей камизе, но в монастыре приходится быть скромнее, сестрица.

– Ах, Элинор, подумай о моем совете, – добродушно заметила Айлин. – Ты прелестна и, клянусь, получила бы не менее дюжины предложений руки и сердца, если захотела бы. Мой отец, барон Хью, будет счастлив стать твоим опекуном в этом деле. Ты нужна Эшлину.

– Господь призвал меня, – покачала головой девушка. – Не настаивай, Айлин. Супружеская жизнь предназначена для тебя, а монастырь – для меня.

Айлин поджала губы. Саэр воображает, что сможет обольстить девчонку, но сильно ошибается. Все-таки ему придется изнасиловать ее, чтобы получить Эшлин.

– Возьми простыню, – сказала она. – Выходи из воды, чтобы и я наконец смогла искупаться.

– Отвернись, – попросила Эльф, вставая, хотя борта лохани скрывали ее наготу. Она вышла и, краснея под любопытным взглядом Айлин, принялась вытираться. Невестка пожалала плечами, сбросила камизу и погрузилась в воду. Эльф оделась и легла на низенькую кровать.

Айлин покачала головой:

– Ты хозяйка и должна спать на большой кровати!

– Это супружеское ложе, – вздохнула Эльф. – Принадлежало сначала моим родителям, а потом тебе. Боюсь, мне в нем будет не слишком уютно.

– Тогда мы ляжем вместе, глупышка! – рассмеялась Айлин.

– Нет. Мне и здесь хорошо. Да пошлет тебе Господь крепкий сон.

И Эльф тихо, но отчетливо принялась шептать молитвы.

«Маленькая ханжа», – злобно подумала Айлин и, повернувшись на бок, укрылась пуховым одеялом. Придется сегодня спать одной, и это совсем ей не нравилось. Ничего, когда монашка заснет, она прокрадется в комнату на чердаке, где живет кузен. Интересно, затащил ли он сегодня в постель какую-нибудь девчонку? Неплохо бы!

Айлин всегда нравились игры втроем, жаль только, что Саэр не позволяет привести молодого мускулистого слугу. Она так мечтала, что мужчины ее возьмут вдвоем! Но ничего не поделать. И хотя временами Саэр ужасно упрям, она все равно питает к нему нежные чувства.

Айлин любила кузена с тех пор, как они были детьми и шестилетнего Саэра отдали в семью де Варенн на воспитание, как было принято в те времена. Сама Айлин, как младшая дочь, в отличие от своих братьев и сестер оставалась дома.

Айлин закрыла глаза и задремала. Немного отдохнет и отправится к Саэру.

Когда Эльф проснулась, солнце уже поднялось высоко. Сначала она не поняла, где находится, но тут же вспомнила все, что было вчера.

Потянувшись, она поднялась и взяла чулки. Она уже успела одеться, когда в комнату ворвалась Айда.

– Наконец-то ты проснулась, дитя, – обрадовалась няня. – Не хотела будить тебя, ибо ты нуждалась в отдыхе. С того дня, как вернулась домой, ты все хлопотала над бедным братом, упокой Господи его несчастную душеньку! Пойдем в зал, пора бы и поесть.

– Уже совсем поздно! – воскликнула девушка.

– Да, половина утра пролетела.

Эльф охнула, но, поняв, что чувствует себя куда лучше, чем за последние несколько недель, спросила:

– Где леди Айлин?

– Поехала кататься верхом с этим своим кузеном, – проворчала Айда. – Все требовала, чтобы ты к ним присоединилась, но я не позволила тебя беспокоить. Нечего якшаться с этой парочкой!

– Где Седрик? – осведомилась девушка, усаживаясь за высокий стол. – Нужно выделить Айлин приданое, и пусть уезжает. Отец сумеет подыскать ей нового мужа.

– Сначала нужно поесть и восстановить силы, – непререкаемым тоном объявила Айда. – Ты ешь не больше птички! Неужели в монастыре тебя морили голодом?

Она сделала знак слугам принести завтрак.

– Обжорство – смертный грех, Айда, – наставительно заметила Эльф. – Мы едим, чтобы поддерживать наше брренное тело. Уверяю, в монастыре нас неплохо кормили. А мы здесь тратим слишком много продуктов зря.

Эльф склонила голову в молитве и благочестиво сложила руки. Служанка поставила перед ней корку от половины каравая с вынутым мякишем, наполненную овсяной кашей, и Эльф неторопливо начала есть. Принесли блюдо с крутым яйцом и кусочком сыра, а также кубок с разбавленным вином и травами.

– Челядь питается тем, что осталось от трапезы господ, как заведено искони, а объедки отдают нищим, которые часто приходят к нашей двери. Эти войны разоряют народ, госпожа.

Живя в безопасности и тишине монастыря, вы, наверное, и не подозревали о том, какие ужасы творятся кругом.

– Наш благословенный Господь завещал нам быть милосердными, – согласилась Эльф. – Каюсь, ты пристыдила меня, Айда.

– Ешь лучше, – велела Айда, вылив в кашу ложку густых сливок.

Эльф рассмеялась, но оказалось, что сегодня утром у нее превосходный аппетит. Она даже сжевала всю корку вместе с яйцом и сыром. Когда она допивала вино, вошел Седрик и встал перед госпожой, ожидая позволения говорить. Эльф кивнула. Эконом вежливо поклонился и сообщил:

– Я просмотрел хозяйственные записи, чтобы определить точный размер приданого госпожи Айлин. Оказалось, что оно в основном было выплачено деньгами, причем ваш брат, как благородный человек, к ним не прикоснулся, и золото так и лежит все в том же мешке. Кроме того, госпожа привезла с собой кое-какую утварь и верховых лошадей. Все это тщательно перечислено и легко может быть возвращено.

– Много ли времени потребуется на это, Седрик? Уверена, что леди Айлин не терпит оказаться дома так же, как мне – в монастыре.

Седрик понимающе улыбнулся:

– К концу дня все будет сделано, госпожа, так что все вы можете покинуть Эшлин завтра утром. Вы довольны, госпожа?

– Превосходно, Седрик, – улыбнулась Эльф. – Ты хороший слуга, это признавали мои мать и брат. За долгие годы ты ничуть не изменился.

– Леди, могу я спросить?

– Разумеется.

– Что станет с нами, если вы вернетесь в монастырь?

– Монахиням не позволено иметь собственность, – пояснила Эльф. – Я передам Эшлин своему ордену. Он позаботится о поместье. Есть много способов извлечь из него выгоду. Здесь можно основать еще один монастырь, сдать поместье в аренду или попросту продать. Не мне решать, но даю слово, крепостные и вольноотпущенные, жившие на этой земле много веков и ставшие частью Эшлина и самой этой земли, останутся здесь. Преподобная матушка – мудрая и добрая госпожа. Она не позволит обидеть вас. В этом я, Элино де Монфор, клянусь вам, а ты сам знаешь, что слово де Монфоров дороже золота.

– Спасибо, госпожа, – поклонился эконом. – Я должен был узнать о нашей участи, чтобы успокоить людей и заверить, что им не причинят зла в ваше отсутствие. Но мы действительно хотим, чтобы вы остались с нами.

– Моя судьба решена. Можешь идти, Седрик, и проследи, чтобы с Айлин поступили по справедливости.

Эконом поклонился и оставил ее. Эльф оглядела зал. Совсем не к чему руки приложить. Сборы займут всего несколько минут, и она успеет сделать это утром, перед отъездом из родного дома.

Наконец она решила пойти в аптеку. Травы в небольшом огороде успели взойти и подрасти. Жаль бросать их на произвол судьбы, лучше срезать все, что можно, и взять с собой в монастырь. Сестра Уинифред будет в восторге.

Эльф поспешила в сад, помахав по дороге Артуру, занятому прополкой. К дому скакали два всадника. Скорее всего это Айлин и ее отвратительный кузен.

Эльф усмехнулась. Саэр де Бад избегал ее после того случая в бельевой. Девушка удивлялась себе самой. Ведь она совсем не боялась рыцаря, откуда же такая сильная рвота? Наверное, потому, что он ей противен и, кроме того, как раз в эти дни прервалась ее связь с луной. Но так или иначе, он от нее отстал, так что все к лучшему. И плакала она тогда от злости. Хорошо еще, что Артур утешил ее, совсем как когда-то в детстве. Только теперь она

поняла, как тосковала по его дружбе. Ей будет не хватать его присутствия. Многим, слишком многим придется пожертвовать.

Но разве не к этому она готовилась все годы? Хотя Айлин, наверное, права, утверждая, что Эльф заботится лишь о себе и собственных желаниях, вместо того чтобы выполнить свой долг. Разве не все сущее на земле произошло от Господа?

Элинор покачала головой. Откуда взялись столь мятежные мысли? Ведь до сих пор у нее не было сомнений в том, что она избранная невеста Христова! Почему же сейчас все изменилось?

Это сатана искушает ее!

Эльф перекрестилась и вошла в лекарню, отметив, что очаг совсем остыл. Она решила сделать те эликсиры и мази, которые возьмет с собой, и, позвав Артура, попросила:

– Пойди в дом и принеси мне горящих угольев, чтобы разжечь очаг. Попроси у Седрика миску, чтобы не обжечься.

– Сейчас, госпожа, – отозвался Артур и помчался выполнять поручение.

Эльф подошла к колодцу, вытащила ведро с водой и принесла в амбар. Намочив тряпку, она протерла сланцевую столешницу, поставила ведро на пол и взяла с полки несколько ступок и пестиков. Потом сорвала самые большие листья латука и принялась мыть. Наполнив водой котелок, она бросила туда листья. Если добавить меду, получится сироп, помогающий при укусах паука. А еще с его помощью можно вызвать сон не хуже, чем от макового отвара.

Далее она взяла горсть подсохших целебных трав, слегка размяла, бросила в ступку и истолкла в порошок, который и высыпала в кувшин. Можно сделать прекрасный напиток.

– Я принес угли, Эльф. Хочешь, разожгу очаг? Вижу, ты наполнила водой котелок, – произнес Артур, вбегая в амбар.

– Готовлю сироп из латука. Да, Артур, разводи огонь, а потом можешь вернуться к своей работе. Спасибо. Я буду в своем садике.

Эльф захватила корзину и вышла. Сначала она собрала шалфей, первое средство от зубной боли, мяту, чтобы успокаивать рвоту, икоту и лечить желудочные хвори, горчицу, которой пользовали подагру, и анис, помогающий страдавшим от газов.

– Ну вот и все! – известил Артур. – Вода скоро закипит, Эльф. Поднести тебе корзинку?

– Нет, она легкая, – отмахнулась девушка, входя в лекарню и принимаясь разбирать растения. Она уже почти закончила, когда послышался стук двери. Эльф подняла голову.

– Что вы здесь делаете? – раздраженно осведомилась она.

– Хотел извиниться перед вами, Элинор, за свой опрометчивый поступок. Мое поведение непростительно рыцарю. Все же, – продолжал Саэр де Бад, – вряд ли мужчина, хоть раз увидевший такую красавицу, осудит меня. Несмотря на скромную одежду, вы прелестны, леди.

– Я принимаю ваши извинения, поскольку отказывать в прощении не подобает христианам.

– Чем вы занимаетесь? – поинтересовался рыцарь.

– Делаю снадобья, мази и эликсиры, – пробурчала Эльф, надеясь, что он уберется.

– Как хорошая хозяйка поместья, – улыбнулся Саэр.

– Я помогаю нашей матушке лекарке, – объяснила Эльф.

– А что это кипит в котелке?

Саэр плотно прикрыл за собой дверь и подошел к очагу.

– Знакомый запах!

– Листья латука, – бросила Эльф. «Почему он тут торчит?»

– А я слышал, что латук отбивает желание, – заметил де Бад.

– Видно, поэтому вы боитесь его есть, – парировала она.

Рыцарь громко рассмеялся. Похоже, они недооценивали юную монашку! Она может и пошутить, и отпустить язвительную остроту. Этого он не ожидал. И не так уж она бесцветна, как кажется с первого взгляда. Вовсе нет! Пожалуй, не стоит ходить вокруг да около!

– Леди, – начал он, – буду с вами откровенен. Я младший сын в семье. Мне нужно собственное поместье. Если передумаете возвращаться в монастырь и принимать постриг, я стану вам хорошим мужем. Моя мать была урожденная де Варенн, а род моего отца уважают в Нормандии. Я всегда был человеком чести.

– Вот уж нет, сэр, этого о вас не скажешь, ибо вы совершили грех прелюбодеяния с женой моего брата. Я не слепа и не настолько глупа, чтобы не понять этого, хотя молилась о том, чтобы все оказалось не так плохо, как кажется! Надеюсь, Дикон ничего не узнал, хотя сильно сомневаюсь. И его нельзя было назвать дураком. Кроме того, среди крепостных ходят слухи, что вы и Айлин отравили моего брата. К сожалению, нельзя обвинить вас открыто, ибо доказательств у меня нет, так что не бойтесь людского суда. Что же касается меня, я избранница Господня и не выйду замуж. Если хотите жить в Эшлине, поговорите с матушкой Юнис. Она решит, что делать с поместьем, и возможно, станет искать арендатора.

– Не желаю я быть ничьим арендатором, – мрачно проворчал он и, подойдя ближе, внезапно сжал ее в объятиях. – Леди, я получу и Эшлин, и вас, хотите вы этого или нет!

Эльф попыталась вырваться, но силы были неравны.

– Немедленно отпустите меня, сэр! – негодуя вскрикнула она, но де Бад с издевательским смешком впился губами в ее губы. Прижав девушку одной рукой к широкой груди, он запустил другую в круглый вырез, и одним рывком располосовал и тунику, и камизу. Жесткие пальцы немилосердно стиснули грудь.

Неожиданное нападение потрясло и испугало Эльф. Она задыхалась, отчаянно борясь с головокружением, не помнила, как ей удалось оторвать губы от алчного рта, но вместо крика из сдавленного горла вырвался слабый писк.

– В тебе скрыта бездна страсти, Элинон, – прорычал Саэр де Бад. – Нужно только пробудить ее к жизни. И этим счастливец стану я.

Он осыпал поцелуями ее белоснежную шею, жадно ласкал груди.

– К тому времени, как я успею насытиться тобой, ни один монастырь не примет тебя, красавица. Посчитают тебя оскверненной голубкой.

И он умелой подножкой сбил ее на землю. Девушка с криком повалилась, потеряв на миг сознание. Де Бад торжествующе навис над ней, снимая шоссы⁵ и высвобождая свою налитую кровью мужскую плоть.

– Это, красавица моя, только для тебя! – воскликнул он, прежде чем наброситься на нее.

Элинон, впервые увидев набухший желанием огромный отросток, от ужаса немедленно пришла в себя и завопила. Неизвестно откуда взялись силы сопротивляться, и она принялась отбиваться, словно боялась за свою жизнь. Да так оно в некотором смысле и было. Если он изнасилует ее, монахиней Эльф не быть. Ее принудят выйти замуж за человека, которого она презирает всеми силами души.

Она вцепилась ногтями в красивое ненавистное лицо, едва де Бад задрал ей юбки и принялся коленом раздвигать ноги. Девушка визжала, срывая голос, отчаянные вопли о помощи разрывали тишину.

Саэр де Бад, обезумев от боли, вплеп ей увесистую пощечину.

– Заткнись, сучонка! – заорал он и принялся бить ее по лицу, чтобы заставить замолчать, но Эльф не унималась:

– Помогите! Помогите!

– Ты сама этого хотела, – прогремел он. – Признайся, мерзавка, ты хотела этого!

⁵ Штаны-чулки.

– Нет! Нет! – всхлипывала Эльф.

– Тебе понравится, – хрипло пообещал он. Ее сопротивление невероятно возбуждало его.

– Боже, спаси меня! – взмолилась Элинон, когда силы начали иссякать. Тут Создатель словно услышал ее, ибо дверь амбара распахнулась, и послышался голос Артура.

Изрыгая самые гнусные ругательства, он схватил де Бада за шиворот и оттащил от изнемогавшей девушки. Кулак парня врезался в подбородок негодяя, и де Бад тяжело рухнул на пол, ударившись головой о край каменного стола. Эльф с трудом поднялась,правила юбки и стыдливо стянула разорванные края туники.

– Пойдем, – выпалил Артур, хватая ее за руку.

– Но он ушибся, – запротестовала Эльф. – Я должна посмотреть, что с ним.

Однако Артур, не слушая, потащил ее к двери.

– Мы пошлем кого-нибудь из домашних присмотреть за ним. Клянусь, Эльф, ты либо святая, либо дура! Мерзавец пытался изнасиловать тебя, а ты собираешься лечить его раны. – Он буквально поволок ее по тропинке к дому.

– Седрик! Бабушка! – окликнул он, едва они оказались в зале.

– Дева Мария и все святые! – охнула Айда при виде Эльф. – Что случилось с моей деткой?

– Рыцарь едва не изнасиловал ее, – без обиняков заявил Артур.

– Все обошлось благодаря Артуру, – поспешила заверить Эльф. – Но де Бад ударился головой и лежит в лекарне. Пошлите кого-нибудь к шерифу графства! Я хочу подать жалобу на этого человека!

– Нет, – мрачно покачал головой Седрик. – Артур ударил дворянина, и его немедленно казнят. Вы сами знаете, что наказание за такой проступок – смерть. Мы приведем рыцаря в чувство, но вы вместе с Артуром немедленно вернетесь в монастырь. Пусть Артур попросит убежища у настоятельницы Юнис. Там он будет в безопасности, пока вы не сумеете объяснить шерифу, что произошло. Здесь его немедленно арестуют. Идите к конюху, пусть оседлает двух коней. Обещаю, госпожа, мы присмотрим за рыцарем.

– Прежде чем уехать, я должна знать, жив ли он, – настаивала Эльф.

– Я сам проверю, – вызвался Седрик и поспешил из зала.

Пока он отсутствовал, Айда умудрилась собрать вещи Эльф, а девушка переоделась в чистую камизу и тунику. Айлин дремала и не слышала тихих шагов женщин.

– Рыцарь выживет, к моему величайшему сожалению, – объявил вернувшийся Седрик. – Он уже пытался встать. Я сказал ему, что мы пошлем за помощью. Уезжайте, госпожа! Мы выведем остальных лошадей на самое дальнее пастбище, чтобы никто не догадался о вашем бегстве. Правда, рыцарь вряд ли соберется в погоню за вами. Он сильно разбил затылок, жаль только, что рана не смертельна.

– Я желаю, чтобы они оба как можно скорее убрались из Эшлина. Как только де Бад оправится, пошлите от моего имени к барону Хью за эскортом для его дочери и племянника. Думаю, к тому времени как его люди придут, этот человек сможет сесть на коня и отправиться в путь, а если нет, пусть его несут на носилках!

– Все будет сделано, госпожа, – улыбнулся эконо. – Счастливого пути.

– Благослови вас всех Господь, – ответила Эльф и вместе с Айдой пошла во двор, где Артур уже держал под уздцы двух лошадей. Он помог хозяйке сесть на коня и вскочил в седло сам.

– Прощай, бабушка, – прошептал Артур, и Айда шмыгнула носом.

– Не волнуйся, Айда, – утешила Эльф, – я не позволю, чтобы с Артуром что-то случилось. Он ничего плохого не сделал. В крайнем случае отошлю его в Уэльс.

Она почтительно поцеловала руку старушки.

– Прощай, дорогая. Да благословит тебя Бог.

– Сохрани тебя Пресвятая Дева, – всхлипнула Айда и, повернувшись, кинулась в дом.

– Ну как? Надеюсь, не станешь тащиться в хвосте? – поддразнил Артур.

– А как насчет тебя? – не осталась в долгу Эльф и прищипорила лошадь.

На закате они прибыли в монастырь.

– Добро пожаловать, Элинон де Монфор, – приветствовала сестра Перпетуя, привратница монастыря.

– Спасибо, добрая сестра, – кивнула Эльф. – Это мой крепостной Артур. Он просит убежища, и когда преподобная матушка услышит его историю, думаю, поверит ему.

Изабо Сен-Симон выбежала навстречу подруге.

– Эльф! Я не знала, что ты приедешь сегодня!

– Я сама не знала, – вздохнула Эльф. – Иза, прошу тебя, найди преподобную матушку и попроси, чтобы она приняла меня по срочному делу.

Иза кивнула и бросилась выполнять поручение. Несколько минут спустя она вернулась.

– Мать настоятельница ждет тебя в здании капитула. – И, заметив Артура, девушка с любопытством спросила: – Кто это?

– Мой крепостной, – коротко бросила Эльф.

– Вот как, – разочарованно пробормотала Иза. Так это всего лишь крепостной! А она было подумала, что подруга решила не принимать постриг, особенно теперь, получив наследство, и привезла с собой своего избранника.

– Пойдем со мной, – велела Эльф Артуру и повела его к зданию капитула, где в зале сидела настоятельница. Подойдя к настоятельнице, она почтительно поклонилась ей.

– Встань, дочь моя, и объясни, отчего ты прибыла так неожиданно и в обществе этого молодого человека, – приказала настоятельница.

– Это Артур, мой крепостной, матушка. Он просит убежища в монастыре. Вы должны согласиться, ибо он спас меня от судьбы горше, чем сама смерть, – начала Эльф. Девушка подробно рассказала обо всем, что случилось со времени ее прибытия в Эшлин: о безвременной смерти брата, требованиях невестки отречься от ее призвания и выйти замуж, нападении Саэра де Бада.

– Если бы Артур не оказался поблизости и не услышал мои крики, меня обесчестили бы, – заплакала девушка. – Я никогда не вернулась бы в монастырь и была бы вынуждена выйти замуж за этого ужасного человека! Бедный Артур! Только потому, что он пришел мне на помощь, его безжалостно казнят!

– Артур из Эшлина, я даю тебе убежище в стенах монастыря Святого Фрайдсуайда на год и один день. Если к тому времени мы не сумеем оправдать тебя, значит, будешь жить здесь столько, сколько потребуется, – объявила аббатиса. – Теперь иди к конюшне, где главная – сестра Джозефа. Передай, что я велела приютить тебя и найти работу.

Артур упал на колени перед аббатисой и приложился губами к подолу ее одеяния.

– Благодарю, преподобная матушка, за ваше милосердие.

Он встал и покинул зал.

– О, спасибо, преподобная матушка! Артур – мой друг детства, он первый приветствовал меня по возвращении. Айда, его бабушка, была моей нянькой. Не хотелось бы стать причиной его гибели, – снова всхлипнула она.

Аббатиса поняла, что девушка еще не пришла в себя, но следовало немедленно выяснить подробности неудавшегося нападения.

– Я должна точно знать, что сделал с тобой этот человек, дочь моя. Пойдем сядем, – велела она, увлекая девушку на скамью у стены. – А теперь объясни честно, как все было,

Элино́р де Монфо́р. Если солжешь, твоей бессмертной душе грозит вечный огонь. Поняла, дочь моя?

– Да, матушка, – прошептала Эльф и вздрогнула. – Он схватил меня и поцеловал. Гладили груди. Потом повалил меня на пол и обнажил свое мужское достоинство. И при этом бормотал ужасные вещи, что-то вроде того, будто мне понравится все, что он со мной сделает. – Она снова затрепетала, припоминая омерзительные подробности, но храбро продолжила: – Потом он возлег на меня. Я кричала, кричала, и, слава Богу, ворвался Артур. Он оттащил от меня насильника и ударил в челюсть. Саэр де Бад свалился и стукнулся головой о край стола. Я увидела, как из раны хлынула кровь, и хотела остаться и перевязать его, но Артур не позволил. Мы побежали к дому, и Седрик, мой эконо́м, пошел посмотреть, что с рыцарем, и велел ему не вставать, пообещав, что пришлет людей. А в это время Айда собрала мои вещи, и мы с Артуром сбежали.

– Касалась ли мужская плоть запретных частей твоего тела, и не проникал ли его мужской орган внутрь тебя, дочь моя?

– Нет! Никогда, матушка! – с ужасом прошептала Эльф. Аббатисе было достаточно одного взгляда на ошеломленное лицо девушки, чтобы убедиться в правдивости ее слов.

– Ты носишь ту же самую одежду, в которой была, когда он пытался лишить тебя невинности? – продолжала допрос настоятельница. Она должна убедиться, что девушка не лжет, как бы неприятно это для нее ни было.

– Да, если не считать туники и камизы. Он разорвал их, когда набросился на меня, – пробормотала Эльф. Ее лицо было бледнее полотна. – Можно мне вымыться, преподобная матушка? На моем теле до сих пор остался запах этого человека.

– Разумеется, дочь моя, только разденься на этот раз догола. Передай сестре Катберт, что я разрешила. Нет, я сама ей скажу. – Она поднялась со скамьи. – Пойдем, моя бедная Элино́р, отыщем сестру Катберт и все устроим.

Они вышли в сад и направились в спальню, где жили девочки. И сестра Катберт, и Матти, теперь сестра Коламба, вышли навстречу Элино́р.

– Иди с сестрой Коламбой, дочь моя, и вытащи из кладовой лохань. Согрейте воды. Возьмите ту лохань, что поменьше, ее будет легче наполнить, – наставляла аббатиса.

Дождавшись ухода девушек, она рассказала сестре Катберт о приключениях Элино́р.

– Уверена, что Элино́р сказала правду, – заключила она, – но несчастная невинна и многого не понимает. Испуг, потрясение могли затмить ее разум. Нужно убедиться, что на ее бедрах и юбке не осталось следов крови. Элино́р сменила порванные камизу и тунику, но нам необходимо твердо знать, что она по-прежнему девственна и чиста, сестра Катберт.

Лицо молодой монахини затуманилось печалью.

– Какой ужас пришлось пережить нашей милой Элино́р! Но я сделаю все, как вы велели, матушка, хотя я уверена, что Элино́р не уклонилась от истины. Ее призвание слишком много для нее значит. А кто тот парнишка, что проводил ее сюда?

– Тот юноша, что ее спас. Его зовут Артур, и я дала ему убежище в монастыре, потому что храбрость и отвага могут привести его на виселицу. Сама знаешь, каково наказание для крепостного, ударившего господина.

Сестра Катберт кивнула.

– Но разве справедливо наказывать мальчика, защитившего свою госпожу?

– Подождем и посмотрим, выдвинет ли рыцарь обвинения против Артура, – решила аббатиса. – Если за парнишкой придут, мы скажем, что дали ему убежище и согласились защищать перед судьей. Это будет по чести и справедливости.

Глава 5

Хью де Варенн, брезгливо морщась, разглядывал младшую дочь. Да, она красива и, вне всякого сомнения, достаточно молода, чтобы второй раз выйти замуж. Но она раздражала его до крайней степени.

– Если бы ты дала Ричарду дитя, пусть даже дочь, всякий стремился бы получить руку богатой вдовушки. Теперь же придется найти какого-нибудь старика, отчаявшегося получить наследника. Только такие и согласятся взять тебя с жалким приданым.

– Она бесплодна, – преспокойно объявил дяде Саэр де Бад. – У меня, как, впрочем, и у Ричарда, полно бастардов в Эшлине, но твоя дочь так и не смогла зачать ни от одного из нас.

– Значит, ты опять взялся за старое? – устало бросил дядя. – Не можешь отвязаться от нее? Бегаешь, как кобель за сукой в течке! Что же, если ты говоришь правду, по крайней мере я могу не бояться, что она наплодит мне ублюдков. В таком случае, Айлин, остается сговорить тебя за богатого старичка. Обвиним его в том, что он слишком дряхл и не в силах дать тебе ребенка. Уж он скорехонько уберется на тот свет и оставит тебе свое золото. А ты сможешь перескочить в постель другого дряхлого болвана. Ведь именно это тебе и нужно, жадная маленькая стерва? – Невесело хмыкнув, де Варенн обратился к племяннику: – А что делать с тобой, Саэр де Бад? Ты сын моей сестры, и я не могу бросить тебя на произвол судьбы, но как мне пристроить человека без средств к существованию?

– Сестра Ричарда де Монфора унаследовала Эшлин. Устройте этот брак, и я получу собственные владения. Она прехорошенькое создание, и я ее хочу.

– Монахиню? Да ты спятил, мальчишка! – завопил Хью.

– Она не примет пострига до октября, дядюшка. Я уже поимел ее, но она в припадке раскаяния удрала обратно в монастырь, захватив с собой деревенского паренька, своего крепостного. Уверен, что она и с ним валялась на сеновале, ибо оказалась недевственницей. Я предъявил обвинения шерифу графства и потребовал поймать и повесить мерзавца.

– Но если девчонка так распутна, зачем на ней жениться? – недоумевал дядя.

– Я заставил ее признаться в том, что он не брал ее по-настоящему, только лишил невинности пальцами и языком. Поверь, дядя, я на совесть вспахал эту пашню, объездил норовистую кобылку и так намял ей чрево, что она вполне могла затяжелеть с первого раза. Моим ребенком. Законным наследником Эшлина, если, конечно, удастся жениться на ней. Прошу, дядюшка, помоги!

Барон надолго задумался. Саэр был самым младшим из отпрысков сестры. Расчетливый, корыстный парень. Однако он все-таки считался неплохим солдатом. Правда, слабостью Саэра были женщины. Любые женщины. Барон Хью дал за Айлин куда большее приданое, чем рассчитывал, потому что поймал ее с распутным кузеном на месте преступления, в укромном уголке, где они со стонами и криками сплетались в объятиях, и, судя по всему, не впервые. Узнав обо всем, жена Хью избила Айлин едва не до полусмерти, а потом научила, как притвориться девственной в брачную ночь. Если Ричард де Монфор и понял, как его обманули, то ни разу не пожаловался, потому что был безумно влюблен в жену. И вот теперь она снова объявилась, как фальшивая монетка в кармане нищего, и Хью в довершение всего обнаружил, что Саэр пробыл в Эшлине почти год.

Он не желал знать правды, не хотел, чтобы подтвердились его подозрения. Очень уж странной была внезапная болезнь Ричарда, ведь год назад тот отличался превосходным здоровьем. Эта парочка способна разрушить и его жизнь, если не разлучить Айлен с Саэром раз и навсегда. Молодая жена, дети и хлопоты по хозяйству надежно отвратят мысли племянника от Айлин. Что же касается дочери... чем скорее он найдет ей мужа, тем лучше. А

пока пусть мать позаботится о своей младшенькой. В конце концов, Айлин сейчас в трауре по мужу. Пусть хотя бы притворится, что скорбит. Мерзкая сука!

– Утром я разошлю гонцов. Одного к епископу Вустерскому, пусть передаст все, что ты рассказал мне.

Второго к королю. Попрошу, чтобы он назначил меня опекуном леди Элинора. Ну а получив над ней власть, я устрою твою женитьбу, племянник. Согласен?

– Разумеется, дядя, – кивнул де Бад.

Вечером Айлин умудрилась ускользнуть от бдительного ока матери и встретила со своим любовником в саду.

– Почему ты не запротестовал, когда отец пообещал найти мне мужа? Мы никогда не будем вместе, Саэр. Думаю, ты вообще меня не любишь.

Прижав Айлин к толстому дубу, де Бад задрал ее роскошную юбку, приподнял любовницу и вонзил в нее свое копье.

– Не люблю тебя, красавица? Разве это «петушок» человека, который тебя не любит?

– Это «петушок» похотливого негодяя, – пробормотала Айлин, обнимая его и сцепляя ноги у него за спиной.

Саэр де Бад улыбнулся ей:

– Ты единственная, которую я любил и буду любить. План твоего отца идеален, дорогая. Ты выйдешь за богатого старичка, которому нужен наследник. Когда он окончательно потеряет надежду обрести сына, ты начнешь медленно травить его, как когда-то Ричарда. Ну а тем временем я женюсь на монашке, и она даст мне сына. Потом она отправится за братцем, и хозяин Эшлина Саэр де Бад женится на богатой вдове леди Айлин. Мы сумеем купить еще больше земли и станем самыми могущественными людьми в округе. Все, что нам необходимо, – немного терпения, красавица моя.

– Но почему ты сказал отцу, что уже успел отвесть ее прелестей? – вновь взвилась Айлин. – Мне казалось, что этот парень вовремя помог ей сбежать.

– Так и было. Но я знал, что твой отец не собирается ничего предпринимать, если я не признаюсь, что обесчестил девчонку. А теперь он завтра же отправит посланника к епископу. Тот не разрешит Элинора принять постриг, пока не будет доказана правота моих слов. Моего заявления вполне достаточно, чтобы ее изгнали из монастыря, а если и нет, король, несомненно, вынесет решение в мою пользу, основываясь исключительно на моих показаниях. Вспомни, я видел ее голой во время купания и могу детально описать все ее приметы и особенности, если меня заставят сделать это. Только любовник может знать подобные вещи, красавица моя.

Он снова врезался в нее.

– Ты прекрасно все придумал, – одобрительно протянула Айлин.

– Я хочу Элинора де Монфор и хочу Эшлин, – выдавил Саэр де Бад. – И получу их.

Толчок... другой... третий...

– Кажется, я дура, что доверяю тебе, Саэр? – спросила Айлин. Никто не возбуждал ее так, как этот человек. В нем было нечто опасное, манившее и соблазнявшее ее. Только он умел дать ей безумное наслаждение.

Айлин громко закричала, извиваясь в блаженных судорогах.

– Ты должна решить сама, красавица, – поддразнил он, отстраняясь и спуская ее на землю.

– Ты настоящий сатана, я больше чем уверена в этом, – прошептала она.

Де Бад рассмеялся:

– Возможно, дорогая Айлин. В конце концов, кто, кроме дьявола, получает неземное удовольствие, насилуя монахиню?

И он исчез во тьме, оставив Айлин в одиночестве.

Женщина вздрогнула. Только теперь она начала понимать, как коварен и порочен ее любовник. В этот момент Айлин почувствовала, что он способен предать ее так же легко, как любого человека. О, она не сомневалась в его любви, но последнее время остро ощущала исходившее от него зло. Если Элино де Монфор даст ему сына, удовлетворится ли он или потребует от нее других детей? А что, если он разлюбит Айлин и влюбится в Элино? Разве мать не говорила, что мужчина будет любить и прощать всякую женщину, давшую ему детей? Но именно этого не способна сделать Айлин. Значит, нужно либо воспрепятствовать отцу найти ей мужа, либо как можно скорее убить новобрачного, а потом отправиться к Сазру и сделать все, чтобы он избавился от своей благочестивой монашки. На этот раз никто не разлучит ее с любимым!

Епископ Вустерский принял послание барона Хью, прочитал, крайне удивился и послал гонца в монастырь с письмом, запрещающим Элино де Монфор давать монашеские обеты, пока обвинения, выдвинутые бароном Хью и его племянником Сазром де Бадом, не будут доказаны или опровергнуты.

Настоятельница пробежала глазами ровные строчки и рассерженно отшвырнула пергаментный свиток.

– Ад и проклятие! – тихо выругалась она, но тут же покаянно перекрестилась. Бедная Элино! Девочка только начала оправляться от своих несчастий.

Аббатиса, как женщина умная, сразу поняла, что целью дьявольской интриги было заполучить Эшлин. По словам Элино, ее неудачливый соблазнитель был безземельным рыцарем. Вероятно, стремился обесчестить девушку, чтобы монастырь от нее отказался. Ей пришлось бы выйти замуж за де Бада, и поместье перешло бы к нему. Теперь он и его дядюшка пытались добиться клеветой того, чего не сумели достичь насильем.

– Им следовало бы вырвать языки, – пробормотала настоятельница и, позвав послушницу, послала ее за сестрой Коламбой. Она и Изабо Сен-Симон были лучшими подругами Элино. К сожалению, Изабо две недели назад оставила монастырь, чтобы вернуться домой и выйти замуж.

Прибежала запыхавшаяся монахиня и низко поклонилась настоятельнице:

– Чего изволите, матушка? Чем могу услужить вам?

– Садись, дочь моя, – велела аббатиса и объяснила, что произошло.

– О, какая низость! – воскликнула сестра Коламба. – Это разобьет сердце Эльф, матушка!

– Поэтому я и сказала тебе первой, дочь моя. Ты должна помочь мне убедить Элино смириться. Ничто не случается просто так, во всем виден промысел Божий. Я поговорю с ней, но ты будешь присутствовать при разговоре.

Узнав, о том, как ее очернили, Эльф разразилась слезами:

– Но я девственна, матушка! Я бы не осмелилась лгать в таком деле из страха погубить свою бессмертную душу!

– Я верю тебе, дитя мое, – кивнула аббатиса, – но епископ не знает тебя и, разумеется, потребует доказательств. Сестре Унифред придется осмотреть тебя. В этом случае не останется ни малейших сомнений в твоей чистоте.

– Осмотреть меня? – дрожащим голосом повторила Элино. – Но как?!

– Она вставит палец в твой женский проход и определит, что твоя невинность не тронута. Это совсем не больно и займет всего минуту-другую, – бесстрастно пояснила настоятельница.

Эльф побледнела, а сестра Коламба ахнула.

– Сделаем это сейчас, чтобы у тебя не было времени волноваться и мучить себя в ожидании неприятной процедуры, – мягко заметила аббатиса. – Пойдем. И ты тоже, сестра Коламба. Будешь держать подругу за руки, чтобы придать ей мужества.

Все трое направились в лекарню. Аббатиса объяснила сестре Уинифред, что предстоит сделать, и та, кивнув, велела Эльф лечь на стол. Потом принесла воды и тщательно вымыла руки.

– Сестра Коламба, – велела она, – подними ее юбки, а ты, Элино́р, согни ноги в коленях и разведи их.

– Я боюсь, – пробормотала Эльф.

– Тут нечего бояться, – деловито заметила сестра Уинифред. – Постарайся запомнить все, что я делаю, ибо в один прекрасный день тебе придется занять мое место и самой выполнять такие же обязанности. А теперь начнем.

Монахиня окунула палец в горшочек с маслом и осторожно проникла внутрь девичьего тела. Элино́р, тихо вскрикнув, потеряла сознание.

– Так даже лучше, – кивнула сестра Уинифред. – По крайней мере она не напрягается.

Сосредоточенно наморщив брови, она немного помедлила, отняла руку и снова сполоснула водой.

– Опусть ее юбки, сестра Коламба, и сожги под носом перо, чтобы привести бедняжку в чувство. Вне всякого сомнения, она девственна, матушка. Мой палец – единственное, что проникало в ее тесные ножны. Ее девственность по-прежнему нетронута, и ни один мужчина не проторил эту дорожку. Ее обвинители лгут, я клянусь в этом телом нашего Создателя.

– Спасибо, – кивнула аббатиса. – У меня не было ни малейших сомнений, но епископу потребуются не просто слова девушки. Однако он обязан поверить свидетельству монастырской лекарки.

Эльф пришла в себя и с помощью подруги слезла со стола.

– Но что будет теперь? – встревоженно спросила она.

– Я пошлю епископу письмо, в котором расскажу, как все было, но, пока он не даст разрешения, ты не можешь принять постриг. Кроме того, я сообщу, что ты готова защищать Артура в суде, объясню, что дала ему убежище, а он пусть поклянется бессмертием души, что Саэр де Бад пытался изнасиловать тебя, но не сумел. Этого будет достаточно. Возможно, ко Дню святого Мартина ты сможешь принять обеты.

– Хорошо, – вздохнула Эльф.

Несколько недель спустя епископ сообщил, что удовлетворен клятвами Элино́р де Монфор и доказательствами, представленными сестрой Уинифред, однако король приказывает Элино́р и аббатисе прибыть в Вустер ко Дню святого Андрея. Его величество тоже посетит епископа и собирается сам решить судьбу Элино́р.

Эльф едва ли не впервые в жизни вышла из себя:

– Неужели нет конца мерзостям де Бада? Он что, воображает, что король может вынудить меня выйти за него? Да я скорее умру, чем стану чьей-то женой! Это невозможно! Да чтоб у него чирей на носу сел!

Аббатиса закусила губу, чтобы скрыть смех.

– Дитя мое, ты не должна желать зла никому, особенно сэру де Баду. Совершенно очевидно, что Господь не дал ему разума, а это тяжелое бремя для любого мужчины. Ничего, мы поедем в Вустер, все выясним и выпросим прощения для Артура.

– Да, матушка, – кивнула Эльф. – Мне стыдно за свою вспыльчивость.

– Дочь моя, – заметила настоятельница, – ты стремишься стать монахиней, но не забывай, что при этом ты всего лишь простая смертная. Может, когда-нибудь тебя и канонизируют, но большинство из нас – обыкновенные женщины, с такими же человеческими недостатками, как и все люди. Нет греха в том, чтобы испытывать праведный гнев. Только не

стоит держать камень за пазухой, это куда хуже. Боюсь, что ты чересчур усердно стремишься добиться совершенства, ведь самое главное – чистота бессмертной души нашей.

В конце ноября они отправились в Вустер. Четырех монахинь сопровождали с полдюжины вооруженных воинов, хотя вряд ли кто-то осмелился бы напасть на служительниц Божьих. Настоятельница попросила сестру Уинифред сопровождать их, считая, что показания лекарки будут бесценными в столь запутанном деле. Кроме того, она пригласила также сестру Коламбу. Пусть девушки немного поболтают и отвлекутся от невеселых мыслей. Пожилая сестра Уинифред была слишком слаба, чтобы ехать верхом, и восседала в маленькой тележке, чем, разумеется, сильно задерживала небольшую процессию. Вместо обычных трех дней они пробыли в пути четыре.

Стояла поздняя осень. Серое небо низко нависало над землей. Тут и там коровы и овцы щипали последнюю травку.

Первую ночь они провели в доме барона, родственника аббатисы, а следующие две – в монастырях. Наконец к вечеру четвертого дня показался Вустер. На башне епископского замка красовался королевский штандарт. Монахини остановились в странноприимном доме при соборе, где никого не было, кроме них, и немедленно послали воина к епископу с известием о своем приезде.

Король, епископ и придворные обедали в большом зале. Его величество, выслушав гонца, кивнул.

– Итак, настоятельница привезла свою подопечную, – заметил король – невысокий человек с грустным лицом, рыжеватыми волосами и бородой, в которой блестело серебро. Добрые голубые глаза задумчиво прищурились. – Пора решить это дело раз и навсегда.

– Вы уже знаете, как поступить, сир? – осведомился его друг Джеффри де Боун.

– Весьма неприятная история, – отозвался король. – Хью де Варенн просит сделать его опекуном девушки. Его младшая дочь – вдова усопшего владельца Эшлина, брата молодой леди. Если я исполню просьбу де Варенна, он, вне всякого сомнения, заберет девушку из монастыря и выдаст замуж за своего племянника Сазра де Бада, чтобы прибрать к рукам поместье. Де Бад утверждает, что согрешил с ней, но и она сама, и монастырская лекарка клянутся, что это ложь.

– Барон Хью воевал на нашей стороне, сир? Заслуживает ли он награды? – справился де Боун.

– Барон Хью всю жизнь заботился о собственной выгоде. Поддерживал меня, когда это совпадало с его интересами, но при удобном случае готов был переметнуться к авантюристке Матильде, – с сухой улыбкой пояснил король. Последнее время он редко улыбался, ибо недавно потерял жену, сильную и мужественную женщину, мудрых советов которой ему так недоставало. И сейчас он пытался представить, как поступила бы в подобной ситуации покойная супруга.

– А Ричард де Монфор был вашим человеком? – допытывался Джеффри.

– Ричард де Монфор подчинялся законам этой страны и поклялся в преданности его величеству, – вмешался епископ.

– Но разве его отец не сражался в войсках Матильды и не погиб на поле брани? Насколько поместье важно для вас, сир?

– Верно, что отец Ричарда считался сторонником претендентки на престол, но ведь не он один! Ричард был совсем мальчиком, когда лишился отца. Он никогда не был перебежчиком и свято чтит обеты верности, данные его величеству. Его сестра с пяти лет пребывала в монастыре. Сомневаюсь, что Элинора де Монфор что-то понимает в светской жизни, не говоря уже о политике, – горячо защищал де Монфоров епископ. Кому, как не ему, увидеть

истинные намерения де Бада. Всякий мужчина стремится приобрести землю, основу могущества и власти, и де Варенн с племянником прекрасно это понимают.

– Расскажите, любезный мой епископ, об этом поместье, – спокойно потребовал король. Ему очень хотелось принять справедливое решение.

– Оно находится близ Уэльса. Небольшое и не слишком богатое, но довольно зажиточное. Вот, пожалуй, и все. Но у сэра де Бада совсем нет владений и денег тоже, и единственный способ заполучить Эшлин – жениться на наследнице.

– Девушка еще не приняла постриг? – осведомился король.

– Нет, сир. Она должна была принести обет Господу в июне, но пришлось отправиться в Эшлин ухаживать за умирающим братом. Дату перенесли на праздник Святого Фрайдсуайда, но тут последовало обвинение де Варенна и его племянника, утверждавших, что последний вступил с Элино де Монфор в плотские сношения. Девушка это отрицает, а лекарка монастыря подтверждает, что Элино де Монфор девственна. Я уже хотел было разрешить девушке перейти в монашество, но барон Хью пожаловался вам, и вы потребовали привезти леди Элино, прежде чем принять решение. Каков же будет ваш приговор, господин мой?

– Объявлю его после того, как выслушаю обе стороны, – ответил король. – Пусть все, кто замешан в этом деле, предстанут передо мной по завершении утренней мессы.

Епископ повернулся к гонцу:

– Ступай в странноприимный дом и скажи настоятельнице, чтобы вместе с леди Элино пришла в большой зал завтра утром, после службы.

Молодой человек поклонился и почти выбежал из зала.

Три монахини и робкая послушница переступили порог зала, и эконоом епископа немедленно о них доложил. Женщины вышли вперед, напоминая стайку черных лебедей с маленьким серым утенком. Настоятельница сначала встала на колени перед королем, потом поцеловала перстень епископа. Спутницы последовали ее примеру. Король, внимательно рассмотрев Элино де Монфор, нашел ее настоящей красавицей и весьма скромной особой. Она всего лишь раз подняла на короля прозрачные серо-голубые глаза, но тут же застенчиво потупилась. Король невольно улыбнулся. Неудивительно, что молодой де Бад так добивается ее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.